Г. ЗИНОВЬЕВ

1905

Западное Областное Издательство
„ГОМЕЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ“
1925

ЗАПАДНОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ГОМЕЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ“

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва, Верхние Торговые ряды (ГУМ), пом. № 165/166
Гомель, „Гомкнига“, Советская 18-20

ВЫШЛИ В СВЕТ:

	Цена.
Гуоев Г. А. Наука о вселенной в свете матери- ...истического мировоззрения, часть парвая . .	1.
...опудер Г. Возникновение и развитие хозяй- ...ва, под редакцией) В. Адоратского (пер. с нем)	—.
...отнагель Г. (проф. О смерти (пер. с нем.) .	—.
...ишер П. Теория ценности. Введение к изучению К. Маркса (перев. с нем.)	—.35
...Штерн Я. Исторический материализм и теория ...рибавочной ценности К. Маркса с вступительной статьей Г. А. Гурева (пер. с нем.)	—.25
Терман М. Культура и рабочий класс (пер. с евр.)	—.30
Каменев Л. Ленин и история Российской коммунистической партии	— 6
В стране виселиц. Сборник статей о Венгерской революции	—.55
Зиновьев Г. Из истории нашей партии	—.20
Бубнов. Основные моменты истории РКП . . .	—.20
Поварин. Выделка кож-мостовья	—.75
Айнзафт. Первый этап профессионального движения в России, часть первая	1.90
Айнзафт. Первый этап профессионального движения в России, часть вторая	1.70
Гурев Г. Дарвинизм и марксизм, (популярные очерки)	2.—
Крживицкий Л. Происхождение и развитие нравственности (пер. с польского)	—.35
Энгельс Ф. От обезьяны к человеку. 3 издание, с вступительной статьей Г. Гурева „Дарвинизм в свете марксизма“	—.40
Каутский. Происхождение первобытной библейской истории	—.25
Форель А. Жизнь, смерть и бессмертие . . .	—.25
...ев Г. Чему учит дарвинизм	—.45
... ...такомбах, антирелиг...зная ... стихах, пер. Д. Выгодского	—.20

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Г. ЗИНОВЬЕВ

ИСТОРИЯ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905

Западное Областное Издательство
«ГОМЕЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ»
1925

Гублит № 1484, Гомель. Зак. № 4550—60000 экз. Тип. «Полеспечать»

9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА *)

Третий раз пролетариат России встретил кровавую годовщину 9 января. Немного прожито, но очень много пережито.

9 января 1905 г. рабочие Петербурга мирной толпой отправились к царскому дворцу просить „милости и свободы". Рабочие были встречены пулями и штыками; сотни убитых, множество раненых были им наградой; улицы Петербурга были залиты рабочей кровью.

9 января расстреляна была вера в царя даже среди отсталых слоев рабочих. 9-е января стало историческим днем, оно стало началом русской революции, началом крупнейшей полосы в жизни нашей страны.

„Мирное" шествие рабочих ко дворцу по существу своему означало об'явление решительной войны самодержавному строю. Независимо от желания руководителей движения, оно означало начало решительной битвы. Недаром верные псы старого режима своим чутьем быстро поняли значение „мирного" шествия с иконами и царскими портретами.

Варварский самодержавный гнет политического бесправия, неслыханная нищета и тягчайшая эксплоатация со стороны капитала заставили рабочих поставить ребром вопрос: смерть или свобода. „Либо ты улучшишь нашу жизнь, либо мы умрем здесь, на этой площади"—так писали рабочие накануне 9 января в своей петиции к царю.

---

*) Статья из № 20 газеты „Вперед", 19 января 1908 г.

Рабочий класс России уже задолго до 9 января 1905 г. начал свою более или менее организованную экономическую борьбу против гнета капитала. Передовая часть рабочих уже давно вела также политическую борьбу. Серьезную массовую борьбу против самодержавного строя первые начали рабочие под руководством с.-д. партии. Под влиянием их борьбы, их громкого протеста стали пробуждаться и другие общественные слои. Режим царского самодержавия немилосердно угнетал также малоимущее крестьянство, городское бедное население. Стесняя свободное развитие капитализма в России он был не по сердцу даже значительной части капиталистов и более просвещенных дворян-помещиков, он вызывал к себе ненависть со стороны всей буржуазной интеллигенции.

Русско-японская война послужила последней каплей, переполнившей чащу. Зарево манчжурских пожаров ярко осветило весь ужас самодержавного строя, все безобразия и уродства политического рабства, всю необ‘ятную нищету голодающего, безземельного крестьянства, весь ужас положения создающего все богатства рабочего класса, все безстыдное и паразитическое хозяйничание самодержавной клики. Так больше продолжаться не могло. Финансовое положение было подорвано разорительной и ненавистной народу войной; значительная часть армии—ею деморализована; в глубинах народных кипело неудовольствие.

И то, что случилось 9 января, оказалось весьма знаменательным. По внешнему виду самодержавие одержало 9 января большую победу. Рабочие расстреляны, движение их потоплено в крови, армия целиком на стороне правительства. Чего же еще? Но уже очень скоро и слугам реакции стало ясно, что их „победа“ 9 января чревата роковыми последствиями.

Расстрел 9 января, в связи со всем положением страны, вызвал могучий взрыв протеста среди рабочих всей России. Разрасталось с небывалой, сказочной силой и быстротой великое движение. Стачечная волна с неудержимым натиском катилась по всей стране. Всего лишь несколько месяцев прошло от 9 января до Петербургского Совета Рабочих Депутатов. За несколько месяцев шагнул пролетариат Петербурга от Гапона до славного Совета, в котором огромное большинство состояло из социал-демократов. Начало пробуждаться крестьянство. За несколько месяцев вырос влиятельный Крестьянский Союз. Появились признаки пробуждения части армии. Восстал флот. Могучее, широкое движение происходило в Польше. Восставал Кавказ. Восставал Прибалтийский Край. Взволновалась Сибирь. Высоко поднимавшиеся волны достигли даже границ других государств. События 1905 года в России дали могучий толчок борьбе рабочих в Австрии, в Германии и т. д. Своей славной забастовкой, увлекшей всю страну, рабочий класс России, при некотором содействии части крестьян и при немом „сочувствии“ либеральной буржуазии, вырвал у самодержавия манифест 17 октября, заставив его отказаться от созыва Думы на основании жалкой Булыгинской конституции.

Благодаря самоотверженной борьбе рабочего класса, был сделан крупный шаг вперед. Главная тяжесть борьбы легла на плечи рабочего класса. Но и главное руководство борьбой в эти памятные дни принадлежало ему, этому прирожденному революционеру. История толкнула его в первые ряды революционной армии. Все экономическое и политическое положение страны, уровень сознательности и организованности самого рабочего класса—все это требовало, чтобы пролетариат занял роль вождя революции.

Одержав в октябре первую крупную победу, пролетариат, однако, не почил на лаврах. Он понял, что разоружаться еще рано, что враг не добит, что, как только этот старый враг опять очнется и принакопит сил, он бросится по-прежнему душить страну и вырывать обратно сделанные завоевания. И все это рабочий класс и его с.-д. партия говорили громко на всю Россию.

Рабочие воспользовались днями свободы, чтобы сплотить свои ряды, чтобы укрепить свою с.-д. партию, чтобы построить широкие боевые профессиональные союзы, чтобы просветить еще темных, чтобы привлечь отсталых. И рабочие вместе с тем продолжали готовиться к дальнейшей борьбе, к решающему бою.

Каждый класс борется своими средствами. Буржуазия (либеральная часть ее) боролась петициями, резолюциями и адресами. Рабочий класс боролся стачкой и восстанием. И по мере того как борьба разгоралась, либеральная буржуазия все более переставала „сочувствовать" рабочему классу. С одной стороны она была подкуплена обещаниями, содержавшимися в манифесте 17 октября, с другой стороны, она убоялась рабочего класса, ибо она воочию увидела, что пролетариат России кое-чему научился у своих западно-европейских братьев, что он хочет завоевать свободу не только для буржуазии, а намеревается, расправившись с самодержавием царей, расчистить себе путь для борьбы и с самодержавием капитала, для борьбы за социализм, что рабочий класс идет не за буржуазией, а создает свою собственную рабочую социал-демократическую партию.

И мало по-малу „сочувствие" борьбе рабочих и красноречивые петиции и просьбы сменились криками о „безумной стихии", да шумными приготовлениями к „положительной" работе в парламенте в союзе со старым правительством.

Либеральная буржуазия предала. Крестьянство в массе своей оказалось недостаточно сплоченным и готовым к борьбе. И рабочий класс остался один-на-один с очнувшимся от удара самодержавием, в руках которого имелась большая темная армия солдат.

Первыми движениями очнувшегося и собравшегося с силами правительства было—схватить за горло самого опасного врага своего—рабочий класс. Почувствовавши опору, оно арестовало славный Петербургский Совет Рабочих Депутатов, об'явило всю Россию на военном положении, стало душить рабочие организации, рабочую печать.

Рабочие, при поддержке части крестьянской и городской бедноты, ответили рядом восстаний, из которых самым решающим было вооруженное восстание в Москве.

Но правительству удалось потопить эти восстания в крови восставших. И тогда только началась дикая вакханалия самодержавия, превзошедшая все, что видела дотоле история. Повсеместные погромы, натравливание одной национальности на другую, карательные экспедиции, скорострельные суды, виселицы и каторга—вот чэм отпраздновало свою победу самодержавие. И больше всего опять-таки потерпели рабочий класс и крестьянство. У революционной армии сил оказалось пока недостаточно, и октябрьская полупобеда превратилась вместо полной победы во временное поражение.

Но Думу все же пришлось собирать. К этому принуждали не улегшееся народное волнение и денежное затруднение. Большая часть рабочих бойкотировала первую Думу, приглашая народ продолжать прежнюю непосредственную революционную борьбу. Но выборы состоялись, Дума

собралась. И даже те умеренные требования, которые были выдвинуты ее кадетским большинством, самодержавие, в упоении своей победой, конечно, удовлетворить отказалось.

Первая Дума была разогнана. Через 8 месяцев разгула бешеной реакции собралась вторая Дума. Вопреки всем ухищрениям и надеждам правительства, в ней оказалось много истинных представителей рабочих и крестьян. И нечего говорить о том, что еще раньше, чем собралась вторая Дума, правительство думало о ее разгоне. Непосредственной опасности немедленного восстания не было, и правительство спокойно разогнало вторую Думу. Совершен был государственный переворот 3-го июня, и собралась третья Дума, в которой хозяйничает кучка крепостников-дворян и крупных капиталистов.

Большинство третьей Думы издевается над нуждами рабочих и крестьян. Бобринские и Гучковы, Пуришкевичи и Хомяковы взапуски шлют верноподданические адреса, торжествуют победу и готовы раздать миллионы рабочих денег „жертвам“ революции, т.-е. тем же прислужникам реакции. Вкупе со Столыпиным и присными они справляют поминки по революции и готовы вновь и надолго спокойно усесться на своих тронах и золотых мешках.

Пусть торжествуют! Мы можем в данном случае смело сказать: горе победителям! Недалек уже тот день, когда всем станет ясно, что нынешнее торжество самодержавия—явление временное, что рабочее движение не задавлено, как не задавили его и посредством кровавой бойни 9 января. Недалек день, когда гробовщики революции превратятся в погребаемых, когда опять выпрямится во весь свой гигантский рост пролетариат России, который, при помощи крестьянства, вырвет страну из цепей самодержавия.

Мы можем вместе с Штутгардтским*) с'ездом рабочих социалистов сказать: да, великая российская революция только начинается. И раньше или позже она кончится полной победой. Быть может, она продлится не один год—ведь продолжалась же Великая Французская революция больше десятилетия—но исход ее будет победоносным. Она даст нам полную демократию и облегчит рабочему классу дорогу к социализму.

И, оглядываясь на пройденный путь, рабочий класс России вспомнит о своих мертвецах, о своих погибших братьях, павших 9 января, павших на поле битвы в московском и других восстаниях. Рабочие России будут чтить память этих своих борцов, как французские рабочие чтут своих героев Коммуны, как немецкие рабочие чтут память павших 18 марта 1848 года.

Память о павших борцах будет жить в великом сердце рабочего класса, который до полной победы неустанно будет продолжать свое дело.

*) Международный соц. конгресс в 1907 г.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г. *)

1. Булыгинская Дума.

Булыгинская конституция была первым наиболее крупным политическим завоеванием рабочего класса в течение начавшегося революционного периода. Булыгинская Дума, как известно, должна была носить характер не законодательного собрания, а только совещательного. Выборы в нее имели произойти на основании самого недемократического избирательного закона. Рабочие, согласно этому закону, были лишены возможности иметь в ней свое сколько-нибудь соответствующее силе нашего рабочего класса представительство. В эту Думу мог, конечно, попасть тот или другой социал-демократ, рабочий класс в целом же был предумышленно и совершенно сознательно отрезан от думского представительства, вопреки тому,—а, может быть, именно потому,—что он явился главным борцом, заставившим самодержавное правительство пойти на эту уступку.

Рабочий класс боролся, он проливал свою кровь, принес на алтарь борьбы уже на этой

---

*) В 1907 г. автор, по поручению ЦК партии, начал писать отчет партии международному Социалистическому Конгрессу в Штутгарте. Рукопись, из-за условий нелегальной работы, пропала и нашлась лишь теперь Однако, она успела подвергнуться „грызущей критике" мышей и частью стала неразборчива. Отсюда — пропуски отдельных слов в рукописи, которые пришлось восстановить путем догадок.

стадии битвы неисчислимое количество жертв; воспользоваться же результатами этой борьбы, пожать лавры должна была крупная торгово-промышленная и либеральная земско-дворянская буржуазия... и эти слои буржуазии, действительно, собирались воспользоваться плодами рабочей борьбы. Все политические идеалы даже лучшей части нашей либеральной буржуазии не заходили дальше Земского Собора, в котором правящая роль должна принадлежать „культурным классам". Земско-либеральная оппозиция в своих органах (например, в ее руководящем заграничном органе „Освобождение", во главе которого стоял г. Петр Струве) совершенно открыто указывала на то, что только они, „сливки" русского общества, прошедшие школу земской работы, к счастью для России накопили известный хозяйственно-политический опыт, и что только им самим провидением предопределена роль хозяев нового строя русской жизни. И вполне естественно, что эти представители „культуры и прогресса" ухватились обеими руками за Булыгинскую „конституцию", сулившую некоторые блага только для этих господ и старые цепи для миллионов русского пролетариата и крестьянства. Кликам ликования по поводу нового правового строя со стороны этих образованных слоев общества не было конца. Им даже в голову не приходил серьезный вопрос о том, воспользоваться ли брошенной самодержавием обглоданной „конституционной" костью или, быть может, с негодованием швырнуть ее обратно в лицо самодержавным крепостникам и отказаться от участия в этой гнусной комедии карикатурного парламентаризма. Наши либеральные адвокаты и профессора ни на минуту не сомневались в том, что следует принять участие в выборах. Наиболее откровенные из них прямо говорили: самым желательным для нас является германский

тип „ликвидации“ абсолютизма, а отнюдь не французский. Мы не хотим кровавого восстания всего народа, которое могло бы кончиться разрушением культуры; мы хотим соглашения с „исторической властью“, мы хотим „мирной революции“. Другими словами: мы хотим полусвободы для народа и полной свободы капиталистической наживы, мы хотим сделки с историческими хранителями самодержавной „культуры“, мы боимся, что без нашего союза с абсолютизмом рабочий да крестьянин добьются демократической республики, при которой рабочий класс подымет слишком высоко голову и сможет свободно организоваться для решительной борьбы против нас, против самой системы наемного рабства... И либеральная буржуазия, трусливая и половинчатая, по самой сущности своей, готова была осуществить „соглашение“ с самодержавием на очень не выгодных, даже для самых буржуазных интересов, „Булыгинских“ условиях.

II. Бойкот и срыв Булыгинской Думы.

Но полная готовность этих слоев буржуазии заключить с абсолютизмом мирный трактат и дележ власти разбилась о сопротивление рабочего класса, уже к тому моменту являвшегося главной организованной руководящей революционной силой. Между двух врагов народной свободы, открывших друг другу об‘ятия, чтобы общими силами задавить ее, бросился передовой отряд революционной армии,—рабочий класс,— и сорвал готовую уже совершиться сделку.

Идейным вождем рабочего класса в этот момент революционной эпопеи являлось революционное крыло нашей социал-демократической партии. Внутри нашей партии обнаружились значительное разногласия по этому поводу. Наше

правое крыло склонялось к тому, что в выборах в бесправную Булыгинскую Думу следует принять участие, при чем лишенные избирательных прав рабочие должны передоверить защиту своих интересов тем буржуазным демократам, которые дадут рабочим торжественное обещание продолжать дальнейшую борьбу за полную свободу. С участием в выборах в Булыгинскую Думу эти наши товарищи связывали, конечно, совершенно иные надежды, нежели либералы, но ошибочная их позиция тем не менее угрожала очень вредными последствиями. Левое же крыло партии настаивало на том, что рабочий класс должен провозгласить бойкот этого мнимого парламента, продолжать свою непосредственно революционную борьбу против стараго строя, призвать к этой борьбе все демократические элементы страны и не только не передоверять защиты народной свободы буржуазно-либеральной демократии, но вести против ее политики предательства самую решительную борьбу.

К счастью, победило это второе течение, и социал-демократия в общем отстаивала бойкот Булыгинской Думы. Рабочий класс продолжал свою борьбу. Еще с большей силой стала раскатываться мощная волна экономически-политических стачек, еще бурнее и грандиознее становились рабочие революционные манифестации; по всей стране собирались огромные рабочие митинги, которые ясно и решительно настаивали на необходимости бойкота Булыгинской Думы; по всей стране рабочие готовились в бой, ковали свои социал-демократические организации, заводили боевые дружины для непосредственно боевых целей, искали форм организации, могущих охватить весь рабочий класс, без различия партийных взглядов. Рабочая борьба кипела по всей России, во всех крупных промышленных центрах,

во всех провинциальных городах, во всех многочисленных медвежьих углах нашей обширной страны. Рабочее море бурлило и каждый день, казалось, готово было выйти из берегов, чтобы затопить врагов свободы и всех половинчатых друзей ее. И на знамени этой могучей и сплоченной одним желанием рабочей армии было начертано: „Долой бесправную Булыгинскую Думу, да здравствует Всенародное Учредительное Собрание!“.

Изумительная героическая борьба рабочих привлекла на их сторону значительную часть городской мелко-буржуазной демократии—в платоническом сочувствии ее к рабочей борьбе в это время не могло быть сомнений. Крестьянская беднота в лице своей передовой части стала все ярче и сознательнее выражать свои симпатии рабочему авангарду революции. Сами массы крестьянские в лучшем для правительства случае сохраняли нейтралитет, в большей же своей части, движимые социальным инстинктом, тоже тянулись к рабочему правительству, и, по крайней мере, для более дальновидной части правительственных кругов становилось ясно, что рабочего класса в данный момент и при данных обстоятельствах не усмирить при помощи Булыгинской конституции и тем более не замирить при посредстве ее. Предлагавшая на известных условиях свои услуги либеральная буржуазия в виду этого потеряла в глазах правительства значительную часть своей ценности. Сделка в этот момент была сочтена более дальновидной частью правительства бесполезной. Несколько охладевшее отношение со стороны правительства заставило буржуазию переметнуться влево и опять заговорить о „решительной“ борьбе, о полновластном народном представительстве и т. д.

Правительство вновь оказывалось в значительной степени одиноким, и, под напором героической борьбы рабочих, пришлось, вместо сделки, подумать об уступке.

Булыгинская конституция бойкотировала рабочий класс:—она хотела лишить его избирательных прав в эту Думу. Рабочий класс сбойкотировал Булыгинскую Думу, увлекши за собой огромное большинство буржуазной демократии.

III. 1905 год.—Советы Рабочих Депутатов.—Вооруженное восстание в Москве.—Законодательная Дума.

Второй—еще более крупной—уступкой революционному народу с рабочим классом во главе был пресловутый манифест 17 (30) октября.

Рабочий класс развернул еще более решительную, еще более яркую, еще более массовую борьбу. В крупнейших промышленных городах возникли Советы Рабочих Депутатов. Социал-демократия, только что выглянувшая из подполья, не смогла еще включить в рамки своей организации всех ставших на борьбу рабочих. Организация социал-демократической партии до революции носили по необходимости узкий, конспиративный характер. Правда, уже с середины 1905 года, как только появилась малейшая об'ективная возможность, наша партия немедленно стала перестраивать организацию на началах широкого демократического централизма. Но за столь короткое время эту огромную работу завершить было нельзя. И этим об'ясняется то обстоятельство, что, при безраздельном, неоспоримом идейном влиянии социал-демократии в самых широких слоях рабочего класса, организационное ее влияние оказалось не столь велико, и понадобилась организация Советов Рабочих Депутатов, которые формально были беспартийны, но на деле

состояли в огромном, подавляющем большинстве из рабочих социал-демократов и вели совершенно последовательно социал-демократическую политику *).

Стачечное движение рабочих, имевшее преимущественно политический характер, ширилось и росло не по дням, а по часам и закончилось великой октябрьской всеобщей забастовкой. Политическая и профессиональная организации рабочих в городах росли с баснословной быстротой. Черносотенно-правительственная реакция начинала мобилизовать контр-революционные силы, но в крупнейших промышленных центрах с большим рабочим населением она не осмеливалась делать наступательных шагов. Городская беднота стихийно тянулась к рабочему классу, как к самой крупной организованной политической силе. Рабочий стал героем дня. К нему льнула буржуазная демократия, его воспевали буржуазно-демократические поэты, на его борьбу против царизма втайне возлагала свои надежды либеральная буржуазия, его больше всего ненавидело, и перед ним больше всего трепетало правительство. Социал-демократия и проводившие ее политику Советы Рабочих Депутатов стали настоящими руководителями всего рабочего класса, а рабочий класс—настоящим вождем всей борющейся части нации. Социал-демократия и Советы Рабочих Депутатов выступили совершенно открыто. Борьба

---

*) Достаточно указать, что в главном Совете Рабочих Депутатов г. С.-Петербурга из общего числа членов Совета около 300 человек рабочих не меньше 90 проц. являлись социал-демократами, Президиум и все другие органы Совета состояли из с.-д. Еще более благоприятно было положение с.-д. в Московском Совете Рабочих Депутатов. Там с.-д. составляли чуть не 90 проц. общего числа депутатов. Также безраздельно господствовала с.-д. в Советах Рабочих Депутатов Одессы, Ростова, Харькова, Екатеринослава и других городов.

развертывалась по всему лицу России. У рабочих организаций искали защиты люди самых различных общественных положений. Мнение Советов Рабочих Депутатов оказывалось часто решающим по самым различным вопросам общественной жизни. Советы Рабочих Депутатов становились своего рода вторым правительством.

Формам борьбы и формам организации рабочих стали все больше подражать другие слои населения. Среди крестьян все больше рос и укреплялся Крестьянский Союз — организация, сравнительно свободная, не оформленная, но тем не менее имевшая очень большое значение. В армии брожение все увеличивалось. В нескольких местах России и, особенно на окраинах, образовывались Советы Солдатских Депутатов, Советы Матросских Депутатов и т. д. В огне борьбы сильно подвинулось вперед дело организационного строительства среди мелких служащих, почтово-телеграфных чиновников, торгово-промышленного наемного люда и т. д. И все это льнуло к Советам Рабочих Депутатов, все это отдавало себя под защиту этих Советов.

Советы Рабочих Депутатов бросали в массы политические лозунги социал-демократии. Они пропагандировали и те средства борьбы, которые российская с.-д. считала целесообразными и единственно могущими привести к цели при создавшихся условиях. Наша партия еще в самом начале революции выдвинула необходимость готовить политически и технически рабочий класс и все другие способные на решительную борьбу слои народа к вооруженному восстанию, как к единственной предпосылке полной победы над самодержавным режимом. Большинство нашей партии еще сравнительно задолго до октябрьских дней предвидело, что главным орудием рабочего класса в нашей революции будет синтез

революционного восстания и всеобщей забастовки. К этим высшим формам борьбы русская с.-д. готовила рабочий класс долгой, неустанной, выдержанной работой. В рядах нашей партии не было сомнений на счет того, что наша революция не может быть социалистической, что она будет буржуазно - демократической. Но большинство нашей партии видело, что политическим вождем этой революции тем не менее может стать только рабочий класс. Наша буржуазия, не взирая на буржуазный характер русской революции, не могла стать во главе революции. Ее самый страшный классовый враг—пролетариат получил слишком большое значение в России, был слишком силен организованностью, сознательностью и классовой обособленностью, чтобы буржуазия могла хоть на минуту забыть о том, что сколько-нибудь широкая политическая свобода будет использована прежде всего рабочими для удесятирения своей классовой мощи, для борьбы за социализм. Видя на каждом шагу силу рабочего класса в России и учитывая в свою очередь опыт своих западно-европейских братьев, буржуазия должна была и в моменты самого высокого под'ема помнить, что, только поделивши власть с абсолютизмом и дружественными ему слоями общества, она может обеспечить себе устойчивое положение, получить в руки огромную, вышколенную армию, всегда готовую потопить в крови социалистическое движение рабочих. Две враждебные друг другу души боролись в груди нашей буржуазии, и в лучшем для революции случае обе эти души друг друга нейтрализовали. В большинстве же случаев брало верх чувство беспокойства за прочность капиталистического рая и долговечность буржуазного господства.

В полном свержении абсолютизма, в искоренении всех остатков крепостничества, в осуще-

ствлении революционно-демократического аграрного переворота и связанной с ним широкой политической свободы не для верхушек нации, не для „избранных 10 тысяч“, а для всей многомиллионной массы об'ективно было заинтересовано, кроме пролетариата, еще только крестьянство.

Полная победа революции была возможна только в результате совместной борьбы пролетариата и крестьянства против самодержавия и буржуазии, а не в союзе с буржуазией против самодержавия. И этот прогноз большинства нашей партии блестяще подтвердился на протяжении всей российской революции десятками крупнейших исторических фактов.

На манифест 17 октября разные классы и партии реагировали разно. Явно контр-революционные слои дворянства, высшего чиновничества и финансовой плутократии, возроптав на растерявшихся заправил самодержавия, очертя голову бросились в устройство погромов и подготовку активной контр-революционной армии, ряды которой комплектовались из люмпен-пролетариата и т. п. переметных элементов. Умеренно-либеральная буржуазия, „образованное“ общество, земцы, интеллигенция, либеральные помещики—эти торжествовали победу конституционных начал и готовились к хозяйничанью при новом „правовом“ строе. Крестьянство в массе своей занимало нейтральную позицию, а в лучшей, передовой своей части сознавало, что бой еще впереди, что складывать оружие рано. Один только пролетариат, под руководством своей социал-демократической партии, сразу и тут занял наступательную позицию. Он не только не сложил оружия, он стал практически готовиться к высшей форме революционной борьбы—к вооруженному восстанию. В ответ на выкинутый гг. Витте и К^{0} белый флаг пролетариат России еще выше поднял свое красное

знамя, еще громче призвал всю страну на решительную борьбу за окончательное свержение самодержавия и созыв революционным путем всенародного учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права.

Рабочие, с социал-демократией во главе, в 1905 г. повели наступательную борьбу всюду, где к тому представлялась об'ективная возможность. Три грандиозных политических забастовки в Петербурге, всеобщая всероссийская забастовка были заключительным аккордом „мирных стачек“. На смену им подходили забастовки, связанные с прямым восстанием. Еще раз восставал Прибалтийский край, пылал Кавказ, бурлило в Польше. В деревнях беспорядки и бунты множились с каждым днем. В армии и флоте такие вспышки, как славное восстание Черноморского флота с „Потемкиным“ во главе и кронштадтское восстание, не остались без следа. Казалось, рушится последний оплот царизма.

Высшей точкой этого движения было вооруженное восстание в Москве. И здесь во главе восстания стоял рабочий класс, а во главе рабочего класса—наша с.-д. партия. И в здешнем Совете Рабочих Депутатов,и в стачечном комитете, и в боевом комитете, и, наконец, среди вооружившихся кое-каким оружием рабочих на заводах господствовала напряженная, боевая атмосфера, в которой чувствовалось, что взрыва не миновать. Рабочие рвались в бой. Провокационные действия правительства после манифеста 17-го октября подливали масла в огонь. И рабочие ринулись в бой. На карту ставилось очень многое: от успеха или поражения московского восстания зависело развитие российской революции на ближайшие годы. И московские пролетарии вложили в это дело всю свою революционную душу; они показали

миру чудеса храбрости и безраздельной преданности революционной идее; они изумительной отвагой своей напомнили буржуазному миру красный призрак Парижской Коммуны; они сражались, как лучшие отряды коммунаров: своей мужественной баррикадной борьбой они вновь пробудили в международной соц.-демократии веру в возможность победоносной для народа вооруженной борьбы с силами правительства, даже в том случае, если правительственные войска не переходят на сторону народа. Тяжесть всей борьбы легла на плечи рабочих.

Лишь некоторая часть городской бедноты, увлеченная высоким под'емом, помогала рабочим строить баррикады и вообще кое-чем облегчала им борьбу. Либеральная буржуазия уже давно отреклась даже от внешнего сочувствия рабочей борьбе и в это время, устрашенная грозными для нее перспективами, уже ползала на брюхе перед самодержавием и вопила о „безумии революционной стихии“ и т. д. Царизм стянул против восставшей рабочей Москвы всю имевшуюся в его распоряжении военную силу. Адмирал Дубасов, стоявший во главе царских войск, выказал больше кровожадности, чем французский Галлифэ. Против московских повстанцев были двинуты войска, не затронутые пропагандой и достаточно верные царской шайке; в ход были пущены все роды оружия, вплоть до самых истребительных и смертоносных, вроде пулеметов. Никому не давалось пощады: ни женщинам, ни детям, ни пленным, ни раненым. Петербургские рабочие, которые должны были притти на помощь московскому восстанию и на которых в первую голову рассчитывали московские рабочие, оказались не в силах подняться с оружием в руках. Об'явленная Петербургским Советом Рабочих Депутатов третья всеобщая забастовка скоро пошла на убыль.

Рабочие были обессилены своей неслыханной тяжелой борьбой. Перед Петербургским Советом Рабочих Депутатов стояла диллема: либо пойти дальше и найти в себе силы стать временным революционным правительством, либо погибнуть. Он, проведший столь славную кампанию, он, проведший историческую всеобщую забастовку против введения военного положения в Польше и против казни кронштадтских матросов, он, ставший центральным революционным очагом для всей России, не нашел, однако, в себе сил стать временным правительством и смог только погибнуть славной смертью. Из Петербурга московское восстание поддержки не получило. Не дала этой поддержки в достаточной мере и провинция. И московское восстание, с громадными усилиями продержавшееся несколько дней, было раздавлено численно во много раз превосходной вооруженной силой правительства.

Наша партия, стоявшая у колыбели массового рабочего движения в России, наша партия, руководившая первыми вспышками мирной, чисто экономической и профессиональной борьбы рабочих, наша партия сумела выполнить свой революционный долг до конца. Она была с рабочими также на московских баррикадах; она кровью спаяла свою судьбу с судьбой русского рабочего класса. Она сумела быть во главе военных восстаний, например, на „Потемкине“; она сумела стать во главе широчайшего повстанческого движения, например, в Прибалтийском крае, где под руководством социал-демократии правительственные власти были изгнаны, а фактическая власть переходила в руки рабочих и крестьян; она сумела руководить движением и на Кавказе, и в Сибири, и на Юге; она была во главе восстания и в Москве.

Поражение московского восстания сыграло колоссальную роль. Контр-революционные силы

смогли отпраздновать первую после долгого времени победу над революцией. Контр-революция оправилась несколько от растерянности и начала карательными экспедициями, скорострельными судами и виселицами мстить и устрашать революционеров и сочувствовавших им. Явная реакция подняла голову. Оживилась и тайная реакция в лице либеральной буржуазии, которая почувствовала, что теперь на ее улице будет праздник, что теперь ей опять можно будет разыграть вакханалию примирения и соглашения „зрелой“ части общества с абсолютизмом.

С другой стороны, в стане революции из среды наиболее слабых духом и наименее закаленных раздался симптоматический ропот на счет того, что—де не следовало браться за оружие. На лицо имелся временный упадок революционного движения.

Кроме обещания различных свобод, правительство под давлением рабочих масс „даровало“ будущей Государственной Думе, вместо законосовещательного, законодательный характер и расширило избирательное право, дав его в очень ограниченных размерах также рабочим. Перед рабочим классом и нашей партией стал вопрос о том, как отнестись к новой „Виттевской“ Государственной Думе,—принять ли в ней участие, или бойкотировать и ее.

IV. Выборы в первую Государственную Думу.

В нашей партии обнаружились тогда два воззрения на этот вопрос. Большинство ее стояло за активный бойкот Виттевской Думы. Оно исходило из следующих соображений: в момент невиданного революционного под'ема самых широких народных масс, в момент острого революционного кризиса, когда правительство, чтобы спасти монархию, замирить восставшие массы, или хотя бы

выиграть время для мобилизации своих сил и приведения их в боевой порядок, в момент, когда тяжба шла о том, кто созовет первое представительное собрание,—восставший народ или барахтающееся самодержавие,—в такой момент социал-демократии незачем принимать бой на парламентской почве, в такой момент социал-демократия должна сосредоточить все свои усилия на агитации за непосредственные боевые выступления. Когда, как это было накануне первой Думы, либеральная буржуазия при попустительстве и поддержке самодержавного правительства сеет по всей стране конституционные иллюзии, т. е. навязывает массам представление, будто политическая свобода уже завоевана и будто при помощи одной только Государственной Думы удастся увенчать это здание политической свободы, в момент, когда угар этих конституционных иллюзий действительно грозит затуманить головы известной части населения, и когда вместе с тем об'ективные данные говорят за возможность близкого еще более широкого под'ема, в такое время—говорило большинство—было бы преступно не призвать массы к бойкоту псевдо-конституционной Думы, т. е. уже не просто к устранению от выборов, а к продолжению и расширению вооруженной борьбы масс, к расширению рядов революционной армии, к подготовке внепарламентским путем решительного боя. Меньшинство партии, рассчитывавшее на об'единенные действия всей оппозиции („общенациональной" опозиции), включая сюда и либеральную буржуазию, было наполовину против бойкота. Мы говорим—наполовину, ибо и эта часть партии стояла за бойкот самой Думы, т.-е. за неучастие в ней, и только настаивала на участии в первых стадиях избирательной кампании. Только единичные голоса раздались в пользу участия в самой этой Думе. Революционный под'ем был

настолько велик, что даже те самые товарищи, которые стояли за участие в Булыгинской— гораздо более бесправной Думе—теперь платили дань идее революционного в то время бойкота царских дум. В огромном большинстве пунктов России партия выборы бойкотировала и противопоставила им агитацию за непосредственные выступления во всехдоступных тогда формах массовой борьбы; она развернула необычайно интенсивную агитацию, и рабочий класс России в общем и целом оказался в единении со своей с.-д. партией: он выборы в Виттевскую Государственную Думу бойкотировал *).

Увлечь крестьянство на путь бойкота Виттевской Думы нашей партии не удалось. Действовавшие в крестьянстве другие партии относились к бойкоту сочувственно, но их влияние не было достаточно сильно, чтобы увлечь крестьянскую массу—на этот наиболее революционный тогда путь. За исключением отдельных местностей крестьянство в общем участвовало в выборах в первую Думу. Приняла участие в выборах также значительная часть городской мелкой буржуазии, а также, разумеется, и высшие слои. Результаты выборов, вопреки урезанному избирательному закону и целой системе стеснений в избирательной кампании, получились следующие.

Крестьянство не оправдало надежд, возложенных на него сторонниками абсолютной монархии, и это было самым крупным политическим итогом выборов в первую Думу: в надежде на то, что русский крестьянин останется верен царю,

---

*) Лишь на Кавказе наша организация, с разрешения партийного с,езда, состоявшегося уже после поражения московского восстания и после окончания выборов почти во всей России, приняла участие в выборах и провела несколько с.-д. в первую Думу.

что крестьянин —прирожденный монархист и крепкая опора исконных истинно - русских устоев, в надежде на то, что-де мужик не выдаст, самодержавие наделило крестьянство довольно широким избирательным правом. Но крестьяне послали в Думу свыше ста трудовиков, людей без выдержанной программы и тактики, людей, способных часто колебаться по тем или другим вопросам, людей, с очень туманными и якобы социалистическими идеалами, но в общем выступавших безусловно за революционно-демократический аграрный переворот и стремившихся в общем, невзирая на все остатки монархических иллюзий в их среде, к революционному разрешению кризиса. В этом отношении выборы в первую Думу были победой революционной армии и огромным поражением сторонников старого самодержавия. Получившая избирательное право и воспользовавшаяся им часть зажиточного городского населения послала в Государственную Думу, главным образом, сторонников конституционно - демократической партии, или так называемых кадетов. И это указывало на то, сколь сильны были еще в то время конституционные иллюзии среди этих слоев населения. Правда, известный процент этих избирателей отдавал свои голоса кадетам только потому, что на избирательной арене не было других, более левых партий. Но в общем все же несомненно, что среди значительной части этих слоев кадетские мечтания о мирной развязке во что бы то ни стало, о сохранении монархии, хотя и конституционной, о соглашении между самодержавием и „сливками общества“ находили известный отклик. Высоко поднявшаяся могучая волна революционного раб. движения, готового уничтожить все, что стало бы на пути к его победе, успела уже создать элементы для контр - революционного настроения, которое впоследствии вылилось уже

в совершенно определенное контр - революционное движение с просвещенными кадетами во главе. Была в Думе также группа явных черносотенцев и группа так называемых „мирнообновленцев“. По сколько-нибудь крупного значения в деятельности первой Думы они не имели. Работой ее руководила партия к.-д, которая имела огромное большинство в первой Думе и подавляла своими голосами представителей крестьян и рабочих. Вопреки воле нашей партии, в некоторых местах, как на юге и в отдельных местностях центральной России, в Думу прошли одиночки социал-демократы, выдвинутые некоторыми слоями рабочих и крестьян. Бывали случаи, когда членов нашей партии, агитировавших в данном округе за бойкот первой Думы, крестьяне и часть рабочих заставляли итти в Думу, выбирая их своими делегатами. Далее, когда выяснилась вся картина выборов под влиянием поражения московского восстания, партия на Стокгольмском с‘езде решила участвовать в выборах на Кавказе, происходивших позже, чем по всей России, и оттуда прошло несколько с.-д. В первой Думе образовалась, таким образом, сперва просто рабочая группа, а затем фракция, принявшая название социал-демократической группы и насчитывавшая около 16—17 депутатов.

V. Тактика большинства и меньшинства первой Думы.

Таков был состав первой Государственной Думы. В деятельности ее следует различать две стороны: деятельность Думы, как целого, как учреждения, в котором большинство имела либеральная предательская буржуазия, и деятельность отдельных фракций ее. В первом отношении первая Дума, безусловно, развращала сознание народа: кадеты проводили от имени Думы политику заигрывания со старым правительством;

они пользовались революционной позицией социал-демократов и трудовиков, чтобы, пугая старую власть, выторговывать у него более или менее мелкие уступки. Максимум их требований сводился к назначению старой властью кадетского министерства (хотя бы и смешанного, т. е. состоявшего из кадетов и безусловных приверженцев старины) и к отчуждению части помещичьих земель за выкуп на „справедливых“ для помещиков (а кадеты уверяли, что и для крестьян) условиях. Намереваясь убить произвол картонным мечем „законности“, кадеты, вместо призыва к борьбе, все время от имени Думы призывали народ к спокойному ожиданию того благословенного момента, когда к.-д. завоюют исключительно парламентским путем, тихо и мирно, без всяких кровопролитий и забастовок, права народу. Благодаря такой тактике думского большинства, конституционные иллюзии, сильные среди аморфных масс, не только не рассеивались, но еще больше укреплялись и росли. На все свои просьбы, наказы, личные депутации и т. д. политически неразвитые крестьяне и другие слои населения, возложившие все свои надежды на Думу, получали от думского большинства один ответ: ждите спокойно, ведите себя мирно, чтобы не озлобить правительство, чтобы излишней требовательностью не помешать сговору с ним; ждите спокойно: Дума сама вам даст и свободу, и землю. Так, лавируя между запугиванием правительства революционностью масс и увещанием народа сохранять спокойствие, дабы не показаться слишком революционным, думское большинство фактически ослабляло силы революции, фактически играло на руку представителям старого строя. Больше того: именно благодаря этой своей тактике, кадеты не смогли добиться осуществления столь вожделенной сделки со старым самодержавием. Правящие

круги, видя оторванность думского большинства от широких масс, видя его трусость и готовность каждый день урезывать и без того урезанные свои политические требования, сочли сделку на предложенных кадетами условиях недостаточно выгодной для себя и стали подготовлять ситуацию, при которой они могли бы отделаться еще более жалкими крохами.

Зато очень некстати для правительства была тактика думского меньшинства. Немногочисленная социал-демократическая группа причиняла ему немало неприятностей. Наши немногие депутаты говорили с думской трибуны довольно полным голосом. Они указывали народу, что только сам он, собственными силами может добиться свободы, они разоблачали анти-народную сущность правительственной политики, они указывали на бесправие Государственной Думы, на бессилие ее разрешить сколько-нибудь удовлетворительно для широких масс народа назревшие его нужды, на единственную возможность разрешить их только революционным путем.

VI. Трудовики и социал-демократы.

Рабочие депутаты не ограничивались только выступлением с думской трибуны, они несколько раз выступали с непосредственными обращениями к рабочим и крестьянам и в них раскрывали глаза широким массам на существующее положение вещей. Они старались сблизиться с петербургскими рабочими, посещая их собрания, устраивая митинги на заводах, организовывая совещания с их заводскими представителями; они входили в сношения с крестьянами и солдатами, с городской беднотой; они ездили для агитации в разные города России и проч. Деятельность рабочей с.-д. группы в Думе все расширялась, и это не могло не внушать опасений правительству.

С другой стороны, и крестьянская партия в первой Думе—трудовая группа—в общем вела революционную линию. Невзирая на все свои ошибки и колебания, она с трибуны выставляла требования революционного решения аграрного вопроса, передачи всей земли трудящемуся народу. В области политической требования трудовиков шли также довольно далеко. Они не довольствовались кадетской умеренной программой и выставляли требования широкой политической свободы. Они бойкотировали, на всевозможных приемах, царя, его министров, и они встречали криками негодования и даже просто гнали из Думы наиболее скомпрометированных и наиболее реакционных из представителей старой власти, они требовали полной амнистии для революционных борцов, заточенных в тюрьмах и на каторге. Они поддерживали далее довольно оживленные сношения с деревней, которую звали на революционную борьбу; они вносили элементы организации в среду разрозненного крестьянства; получали от него массу наказов, адресов, пожеланий; к ним являлось очень много ходоков от целых сел; они издавали доступную для крестьян газету. Словом, они, оступаясь и колеблясь, путаясь между программами и выдвигая реакционые, якобы социалистические утопии, не будучи социалистами, честно представляли борющееся малоземельное и безземельное крестьянство, которому прежде всего нужна земля, а для получения ее необходимо добиться демократической республики; они были весьма порядочными буржуазно-революционными демократами, звавшими крестьянские массы на борьбу с оружием в руках для низвержения старого порядка и смены его широко демократическим строем. Такая работа социал-демократов и трудовиков, конечно, не оставалась бесследной и поэтому, конечно, не могла

быть по душе старым властям. Самодержавие уже с самого начала деятельности Думы, как только выяснилась роль в ней социал-демократов и трудовиков, стало думать об ее разгоне. За все время существования Думы шла подготовка: обе стороны сосредоточенно и напряженно стягивали силы, подготовляли в сознании имеющих столкнуться сторон идею о неизбежности решающей схватки. Правительство готовило прежде всего войска. Оно возвышало и награждало руководящие элементы армии—офицерство и проч.; оно подкупало рядовых солдат системой прикармливания, системой мелких улучшений солдатского пайка и вообще его существования. Вместе с тем оно запугивало и тех, и других: первых—лишением привилегий, красным призраком, вторых—неслыханными репрессиями за „измену", вплоть до расстрелов, каторги и т. п. Вместе с тем под крылышком правительства оживали и начали сплачиваться активные контр-революционные общественные силы. Так образовался „союз об'единенного дворянства"—политическая организация самых заядлых, но вместе с тем самых дальновидных, хозяйственно-сильных и активных реакционных представителей контр-революционного дворянства и помещиков; развернул и свою деятельность „союз русского народа",—организация оголтелых контр-революционеров, на откупу и на службе у черносотенного дворянства; сформировалась торгово-промышленная партия и „союз 17 октября"—организации, иногда бормотавшие что-то про оппозицию правительству, но фактически поддерживавшие все его контр-революционные начинания. На лицо был общий враг—пролетариат, показавший когти не только самодержавному строю, но и капитализму, и крестьянство, показавшее своими бунтами и своим представительством в первой думе, что без земли оно не сложит оружия.

Перед лицом этого общего врага сплачивались все угрожаемые им силы в интересах самозащиты, в интересах большей силы удара. С другой стороны, готовилась и революционная армия. Упадок после поражения московского восстания вновь стал сменяться известным оживлением, при чем во главе всего революционного движения по прежнему шла Р. С.-Д. Р. П. Она развила максимальную доступную по силе внедумскую работу. Агитация и организация шли прежде всего среди рабочего класса. Но довольно широкая работа велась нашей партией также среди солдат и матросов, среди крестьян и мелкого городского люда. В общем наша агитация била в одну точку: она политически готовила массы—и прежде всего рабочий класс—ко всенародному вооруженному восстанию. Поскольку силы позволяли, она облегчала массам также техническую подготовку.

Были в партии и уклонения от этой последовательной и выдержанной , революционной линии: наше меньшинство звало к координации действий с кадетами, предлагало пролетариату поддержать требование о назначении кадетского министерства, возлагало некоторые надежды на чисто парламентский путь, т. е. преимущественно на думскую работу. Но эти уклонения были исправлены самим революционным пролетариатом, и в общем и целом наша партия держала правильный курс, готовясь к решительному выступлению, подготовляя к этому рабочий класс и стараясь увлечь на этот путь революционное крестьянство. Трудовая группа сделала довольно много в области агитации и первоначального политического просвещения деревни. Но она очень мало сделала—главным образом, в силу об'ективных трудностей—в области организации, сплочения для непосредственного практического натиска. О других называвших себя „социалистическими“

и „революционными“ партиях, имевших более или менее исключительно интеллигентский характер, нечего и говорить. Крупного значения в массовой борьбе, в столкновениях, ставших историческими, они не имели и иметь и не могли.

Усилия революционных партий оказались недостаточными. Либеральная буржуазия, столько кричавшая о своем сочувствии „освободительному“ движению, давно уже повернулась к нему спиной и сейчас, несмотря на словесную оппозиционность, одной ногой стояла уже в стане явных сторонников старого строя. Крестьянство, главный союзник пролетариата, оказалось недостаточно подготовленным для активных действий.

Отсутствие сплоченности, рыхлость, политическая аморфность господствовали тогда повсюду в русской деревне. Годы встряски оказались еще недостаточными. Вера в царя, монархические иллюзии с каждым днем таяли среди крестьянской бедноты. Но достаточной организованности на лицо не оказалось. Огромная потенциальная революционная сила так и осталась в значительной степени только потенциальной. Крестьянин, в массе своей, понял, что ему дальше невозможно жить без земли. Но он недостаточно еще уяснил себе тесную связь между удовлетворительным для него решением аграрного вопроса и радикальной политической революцией; он недостаточно еще уяснил себе, что для проведения победоносной политической революции необходим союз с рабочим классом; необходимо концентрированное выступление всех действительно революционных сил. В армии, рекрутировавшейся, главным образом, из крестьян, тоже оказалось еще достаточно косности, темноты, чтобы правительственная шайка могла спокойно опереться на значительную часть войск в своей борьбе против революции.

VII. Разгон первой Государственной Думы.— Междудумье

Правительство, мобилизовав свои силы и набравшись решимости, разогнало первую Думу как раз после того, как кадетское большинство ее, в ответ на одну выходку слуг самодержавия, призвало народ „к спокойному ожиданию", т. е. к ничегонеделанию вместо борьбы. После разгона Думы вспыхнули два военных восстания—в Кронштадте и в финляндской крепости—Свеаборге. В этот же момент наша партия вместе с другими революционными партиями призвала рабочих ко всеобщей забастовке. Рабочая масса откликнулась на этот призыв слабо. Забастовка вышла частичной даже в Петербурге; в большинстве мест забастовки совсем не вышли. Рабочий класс остался один на поле брани лицом к лицу с вооруженным от головы до ног врагом, но ставившим последнюю отчаянную ставку и не знавшим пощады к вождю революции—пролетариату-нанесшему ему столь много жесточайших ударов. И у рабочего класса, измученного и утомленного, в этот момент не оказалось достаточно под'ема и энергии, чтобы откликнуться на призыв тех партий, которые были его вождями во всех перипетиях революционной эпопеи. Это не значило, что революционные массы—и прежде всего пролетариат—потеряли свою веру в революцию или потеряли доверие к своим революционным партиям, с социал-демократией во главе. Нет, по крайней мере, относительно рабочего класса было ясно—и это подтвердилось дальнейшим ходом событий,—что это только временная усталость, временный упадок после жаркой схватки. Однако, самый факт безучастного отношения к агрессивному шагу правительства, выразившемуся в разгоне Думы, был достаточно печален

и должен был быть учтен, как серьезное предостережение в дальнейшей тактике. Большинство бывших депутатов, как известно, выпустило так называемое „Выборгское воззвание“, призывавшее к пассивному сопротивлению правительству, к отказу ему в солдатах и податях. Под этим воззванием подписались и социал-демократические депутаты, но они с самого начала заявили, что считают его недостаточным и подписываются под ним лишь для того, чтобы не дать возможности увильнуть господам кадетам.

Кроме этого, наши депутаты выпустили вместе с депутатами-трудовиками воззвания к армии и флоту и ко всему народу, в которых они выясняли создавшееся положение и указывали, что победа возможна только в результате вооруженной борьбы рабочих и крестьянских масс. Эти воззвания имели большое агитационное значение, но практического значения не получили: сколько-нибудь значительных выступлений, кроме Кронштадтского и Свеаборского восстаний, не последовало. Оба же этих восстания были потоплены в крови восставших благодаря отсутствию поддержки со стороны населения и благодаря тому, что у правительства нашлось под рукой достаточное количество „верных“ ему войск. Правительство, таким образом, казалось, одержало крупную победу.

Наступил период междудумья. Правительство использовало его для отчаянной, разбойничьей мести борцам революции, для простого физического истребления своих противников. Была введена по всей стране система военно-полевых судов, предназначенная специально для более простого неосложненного никакими формальностями уничтожения врагов самодержавия. Вся Россия вновь об‘явлена была на положении усиленной и всяких других охран. В наиболее опасные для

правительства места и в те области, где движение вылилось в самые яркие формы, были посланы для усмирения разбойничьи банды, называвшиеся карательными экспедициями. Больше всего правительство обрушилось на рабочих: почти все их легальные организации, как профессиональные союзы и проч., были безжалостно разгромлены; легальная рабочая печать уничтожена; лучшая часть революционных рабочих предана казни, заточена в тюрьмы, отправлена в ссылку и пр. Достаточно указать, например, что, в ответ на железнодорожную забастовку, правительство, кроме массовых расчетов и лишения рабочих последнего куска хлеба и возможности поступить на другую службу, послало на московскую дорогу карательную экспедицию, которая беспощадно расстреливала правых и виноватых, рядовых участников забастовки и даже только заподозренных в содействии ей.

В частности, на нашу партию правительство обрушило невиданные даже в пред-революционные времена репрессии. Из строя было выбито много наших партийных работников. Пользуясь тем, что в период свобод многие из наших товарищей выступали в своей деятельности совершенно открыто, правительственные агенты тем легче смогли выловить многих деятелей нашей партии и упрятать их в каменные клетки, в далекую Сибирь и т. д.

Общественная жизнь в городах придавлена была тяжелой лапой контр-революционных палачей. Пошли гонения не только на социалистическую печать, но и просто на радикальные оппозиционные органы. Тем не менее, несмотря на все это, глубоко в рабочих массах созревала постепенно решимость на дальнейшую борьбу. Так обстояло дело в городах. В деревне неистовства приняли не меньшие размеры. Кровь лилась там

еще более широким потоком. Самодержавные владыки России огнем и мечем вколачивали русскому крестьянину идею о непримиримости его интересов с дальнейшим хозяйничанием царя и царской шайки, сознание того, что не получить крестьянину земли без воли, т. е. без победоносной политической революции. Посеянная в ту пору правительством пропаганда действием еще даст в свое время плоды. Правительство тяжелой грудой убийств и репрессий временно придушило огонь. Но не надолго. Тяга станет сильнее, и маленькие огненные язычки, вырывающиеся там и сям из-под тяжелой груды, сольются в одно огромное пламя и вновь зажгут революционный пожар по всей стране, который истребит без остатка старый строй и на пепелище воздвигнет широкую политическую свободу, будущую свободную базу для борьбы рабочих за социализм. Казалось, что правительство одержало „блестящую“ победу, что оно надолго парализовало всякое революционное движение в стране.

VIII. Созыв второй Государственной Думы, ее работа и разгон ее.

Однако, победа правительства была не настолько велика, чтобы оно могло избавить себя от необходимости созывать завоеванное рабочим классом представительство в форме Государственной Думы, в которую доступ имела значительная часть населения. Народное движение не настолько еще улеглось, чтобы нельзя было ожидать новых вспышек. К тому же и финансовое положение правительства было крайне затруднительно. Без внешних займов свести концы с концами не было никакой возможности. А между тем европейская буржуазия, так щедро помогавшая русскому правительству в его контр-революционной деятельности, стала обусловливать

дальнейшие займы существованием в России мнимого, якобы „народного“ представительства и соблюдением известных „европейских“ приличий. И самодержцам пришлось волей-неволей вновь, скрепя сердце, осуществлять „дарованную“ конституцию, озывать вторую Государственную Думу. Радикально изменить систему выборов, совершенно лишив избирательного права рабочих, оно тоже еще не могло решиться. И правительство принялось за частичные изменения избирательного закона.

Путем так называемых „раз‘яснений“—через сенат и проч.—правительство значительно урезало и без того ничтожные избирательные права и в первую голову рабочих и железнодорожных служащих, а также беднейшей части крестьян. Правительство надеялось, что крестьянство, рабочие и вообще неимущее население настолько напуганы вакханалией диких репрессий, что уже одних подчисток и исправлений прежнего избирательного закона будет достаточно для получения покорной Думы.

Насчет необходимости для революционных партий участвовать в выборах и в самой второй Думе не было сомнений. Решительных массовых выступлений в ближайшем будущем ждать не приходилось. Конституционным иллюзиям уроком первой Думы нанесен был жестокий удар. Теперь в массах в значительной степени подорвана была вера во всесилие самой Думы и всеспасительность парламентского пути. С другой стороны, было ясно, что при энергичном участии в выборах широких масс, вопреки всем наглым ухищрениям, бесстыдному ни перед чем не останавливающемуся давлению правительства на выборы, удастся провести в Думу немалое количество действительных защитников интересов рабочего

класса и крестьянства и использовать думскую трибуну для содействия делу агитации и организации среди масс.

При таких условиях и наша партия сочла нужным принять участие в выборах в самой Думе. На этот счет в рядах нашей партии не было колебаний, и ни одного голоса в пользу бойкота второй Думы внутри партии не раздалось. И нашей партии не пришлось раскаиваться в своем решении принять участие во второй Думе. Она развила интенсивную и плодотворную избирательную агитацию, провела в Думу около 70 своих партийных кандидатов, и наша фракция сыграла внутри Думы крупнейшую роль, занявши в ней позицию крайне левой, руководительницы социалистических рабочих и революционной демократии вообще. Наша фракция в Думе повела резкую, революционную агитацию и за это была отправлена правительством на каторгу.

Надежды правительства получить покорную Думу оказались неосновательными. Вторая Дума имела в своем составе гораздо большее число депутатов-революционеров, чем первая Дума. Все классы получили в ней очень яркое представительство. Необычайно богато была представлена в ней контр-революция. Все оттенки черносотенного дворянства, магнатов капитала, все нюансы черносотенства имели в ней ярких выразителей, и это была одна из хороших сторон второй Думы, ибо метериал для агитации получался превосходный. Довольно полно представлены были также революционный пролетариат, крестьянство и либеральная буржуазия.

Партия либеральной буржуазии, кадеты, по сравнению с первой Думой потеряла значительное число мест—около половины. В первой Думе эта партия имела больше 150 мест, а во

второй—лишь до 90. Значительная часть буржуазных избирателей, подававшая свои голоса за кадетов и при выборах в первую Думу, теперь повернулась к ним спиной: тактика кадетов в первой Думе и их поведение после разгона Думы кое-чему научили эти слои избирателей, и они на вторых выборах отдали свои голоса частью трудовикам, частью социал-демократам.

Социал-демократическая фракция могла рассчитывать на то, что при всех колебаниях народников они вместе с их крайним левым крылом—социалистами-революционерами—в общем и целом будут во многих важных вопросах поддерживать линию социал-демократии.

Кадеты могли, безусловно, рассчитывать на поддержку мусульманской группы, польского коло, группы казаков, отчасти на сибирскую группу и на мирно-обновленцев.

Но ни у первой группы (об'единенных левых), ни у второй (умеренно-либеральной) не получалось, благодаря цифровым соотношениям, прочного и устойчивого большинства. Такое большинство могло составиться лишь при присоединении кадетов (или части их) к левым или посредством кадетского блока с правыми. Руководить Думой, таким образом, мог либо лево-кадетский, либо кадетско-черносотенный блок. На деле осуществился последний. В огромном большинстве случаев кадеты соединялись с „умеренно"-правыми и нередко с явными черносотенцами против левых, и этот кадетско-черносотенный блок проводил свои решения от имени Думы. Социал-демократы и все те депутаты, которые хотели остаться на почве революции, и в этой Думе должны были заняться не так называемым положительным законодательством, а исключительно революционной и социалистической агитацией с думской трибуны, просвещением масс насчет бессилия самой Думы без

непосредственного натиска самого революционного народа, выяснением возможно более широким массам действительного положения вещей вообще, роли и планов самодержавной клики, контр-революционных слоев, поддерживающих его явно, и межумочных слоев, поддерживающих его косвенно.

Поэтому и социал-демократическая фракция во второй Думе вела борьбу не только против правительства и поддерживающих его правых партий, но и против партии либеральной буржуазии, об'ективно становившейся обеими ногами на почву контр-революции.

Социал-демократы во второй Думе через головы думских депутатов старались говорить к широким массам народа. Они выдвигали прежде всего те вопросы, которые волновали массы пролетариата и крестьянской бедноты: вопрос о государственной помощи голодающей деревне, о мерах для облегчения ужасов безработицы в городах (при чем и для того, и для другого с.-д. предлагали послать депутатов на места, привлечь к решению этих вопросов местное население и т. д.), о необходимости революционного решения аграрного вопроса—вопроса жизни для нескольких десятков миллионов крестьян,—о положении армии и т. д. и т. п. Кое-какую работу нашим депутатам удалось развить и вне стен Думы: они, насколько было об'ективно возможно, поддерживали тесные отношения с петербургскими рабочими, устраивали собрания, на которых рабочие давали им наказы, завязали некоторые сношения с лучшей частью армии. И наша фракция стала бельмом на глазу у правительства. В союзе и под давлением об'единенного реакционного дворянства правительство готовило новый государственный переворот, для которого втихомолку накопляло силы. При создавшемся реальном соотношении сил вне Думы в самой стране, при

наличности некоторого упадка среди рабочего класса и недостаточной зрелости крестьянской борьбы, контр-революция не могла потерпеть такого представительного собрания, каким была вторая Дума, и прежде всего не могла потерпеть, чтобы с трибуны его разносился по всей стране могучий голос революционной социал-демократии, неустанный призыв к борьбе, проникавший в самые глухие углы необ'ятной страны.

И, несмотря на то, что кадетско-правый блок во второй Думе всячески старался угождать правительству (утвердил ему бюджет, санкционировал призыв около полумиллиона новобранцев и т. д. и т. п.), для реакции все же невозможно было ужиться даже с таким народным представительством. И вот после 102-х дней существования вторая Дума была разогнана. Контр-революция оказала честь нашей фракции, избравши ее предметом особых нападений и сделавши ее „преступные деяния" поводом для разгона второй Думы. Нечего и говорить о том, что обвинение нашей фракции в каком-то нелепом заговоре против царя основано на наглой лжи. Наша фракция, будучи отрядом международной социал-демократии, стояла на точке зрения массовой борьбы и принципиально отвергала заговорщический способ борьбы. Правительственные обвинители лучше, чем кто бы ни было, знали, насколько лживо их обвинение против нашей фракции в заговоре. Они посылали ее на каторгу именно за то, что она стояла на точке зрения массового революционного действия, прямо противоположной заговору.

Правительство пред'явило Думе требование выдать ему социал-демократическую фракцию для расправы с ней якобы за заговор против царя. Это требование было настолько нагло,

настолько провокационно, что большинство даже этой Думы ответило решительным отказом. Правительство,—как выразился социал-демократический оратор, цитируя Маркса,—поставило штык в порядок дня.

IX. Государственный переворот 3 июня 1907 г. и третья Дума.

Государственная Дума была разогнана. Наши депутаты за открытую деятельность в парламенте были посланы на каторгу—факт, невиданный в истории. 3 июня 1907 г. произведен был государственный переворот. Вопреки „основным" законам, подписанным самим правительством под давлением народного движения, правительство радикально изменило избирательный закон, перекроив его на совершенно новый образец. Правительство и союзные ему контр-революционные силы окончательно убедились, что, при существовании сколько-нибудь широкого избирательного права для крестьян, рабочих и городской бедноты, им не добиться совершенно ручной Думы, а главное Думы, в которой революционная социал-демократия не имела бы крупного, яркого и наиболее опасного для самодержавия представительства. Самым наглым образом правительство с цифрами в руках совершенно механически перекроило избирательный закон с тем, чтобы обеспечить в будущей Думе большинство представителям дворянского землевладения и крупного капитала. Рассчитывая на контр-революционность либеральной буржуазии и зная рабскую „лойяльность" ее партии (к.-д.), правительство, чтобы обеспечить себе возможность, в случае надобности, опереться иногда на несколько иное большинство (кадетско-октябристское, а не октябристско-черносотенное), перекроило новый избирательный закон

так, чтобы партия к.-д. тоже получила представительство в размере нескольких десятков депутатских мест.

Совершенно отказаться от созыва Думы правительство не могло. Самодержавие явным образом стало приспособляться к несколько новому пути. Наиболее дальновидные из слуг его поняли, что для продления жизни царизма мало одного штыка, что необходима сделка с известными слоями буржуазного общества, что необходимо приспособиться к буржуазному развитию России, которое стало уже настолько очевидным фактом, что его не могли не констатировать даже тупые царедворцы. Перед наиболее дальновидными сторонниками самодержавия стала альтернатива: либо самодержавие приспособится к буржуазному развитию России, направив его по такому пути, который оставляет за царем и бюрократией власть, а за дворянством и крупной буржуазией—их доходы, либо буржуазное развитие пойдет помимо старой власти и тогда примет революционно-демократический характер. В среде правящей камарильи одержало верх то течение, которое к штыку прибавляло еще систему известного приспособления. Первым крупным шагом в этом новом направлении было издание 9 ноября 1905 г. (т.-е. в период между первой и второй Думой) аграрного закона о выходе из общины, сводящегося к тому, чтобы в деревне создать устойчивого земельного собственника, „хозяйственного мужика", который, ограбив при помощи правительства деревенскую голытьбу, стал бы известной опорой контр-революционному правительству в его борьбе против наметившегося революционного решения аграрного вопроса многомиллионным крестьянством в союзе с пролетариатом. Следующим шагом в том же направлении был созыв третьей Думы на основе нового избирательного закона.

специально приспособленного для заключения сделки с крупным землевладением и крупным капиталом, между которыми самодержавие может лавировать и тем сохранять свое существование.

После разгона второй Думы призыва к непосредственным выступлениям не дала ни одна революционная партия, в том числе и Р.С.Д.Р.П. Положение дел в стране было таково, что на успешное восстание в данный момент рассчитывать было трудно...

Промежуток времени между второй и третьей Думами правительство использовало для того, чтобы смести последние остатки легальных рабочих организаций и легальной рабочей печати, чтобы истребить огнем и мечом возможно большее число активных врагов старого строя, и чтобы своим неусыпным контролем и наглым давлением обеспечить себе—уж, по крайней мере, при новом избирательном законе, после государственного переворота--контр-революционный состав Государственной Думы.

Перед нашей партией, как представительницей рабочего класса, стал вопрос участия или неучастия в выборах и в самой третьей Думе, Думе контр-революции. Партия решила этот вопрос утвердительно. Для нее было ясно, что, несмотря на то, что правительство создавало третью Думу для прикрытия самодержавия, на деле эта Дума будет раскрывать перед народом истинную, контр-революционную его сущность,—что и случилось на самом деле. Партия далее принимала во внимание, что третья Дума, созываемая при таких обстоятельствах и после таких уроков, не сможет питать в среде пролетариата и крестьянства никаких иллюзий на счет того, что такая Дума сама, без народа, завоюет для народа землю и полную политическую свободу. А главное, партия считалась с теми соображениями,

что раз нет налицо об'ективных данных для противопоставления сейчас же выборам в Думу непосредственно широкого выступления масс пролетариата, то, несомненно, даже при таких обстоятельствах партия пролетариата обязана принимать участие в выборах хотя бы в черносотенную, контр-революционную Думу, раз она может рассчитывать в ходе выборов развернуть некоторую массовую агитацию и может надеяться в самой Думе использовать трубуну для с.-д. агитации среди масс.

X. Наша тактика и будущее русской революции.

События показали, что наша партия в данном случае не ошиблась. Те слои населения вообще и прежде всего рабочего класса, которые уже пробудились к сколько-нибудь сознательной политической жизни, смотрят на третью Думу, как на открытый орган контр-революции, как на учреждение, выражающее сделку правительства с ничтожным численно меньшинством правящих классов. Остальным же слоям населения сама Дума с каждым днем и каждым своим шагом все больше и больше раскрывает свою сущность, невозможность без революционной борьбы, без вооруженного восстания свергнуть гнет самодержавия. Она раз'ясняет даже устами черносотенных депутатов, какую роль сыграло и играет самодержавное правительство в жизни страны, одним словом раскрывает самодержавие перед всеми теми, кто хоть немного интересуется политической жизнью России. Нашей партии, несмотря на то, что избирательный закон ставил себе специальной целью отнять у социал-демократов возможность проникнуть в третью Думу, несмотря на то, что правительство не дало нам развернуть широкой избирательной агитации, что мы действовали в подполье при неслыханных даже в России гонениях,—

удалось провести в третью Думу, эту цитадель контр-революции, группу социал-демократов в восемнадцать человек, которая, вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, все же помогает нашей нелегальной партии в ее трудной борьбе, ведя социал-демократическую агитацию с думской трибуны, соединяя с огромной нелегальной работой легальную возможность говорить с широкими массами от имени партии думской фракции.

Наша партия полагает, что так как об'ективные задачи нашей буржуазно-демократической революции в общем не решены, то и самое революцию приходится в данный момент считать неоконченной. В более или менее отдаленном будущем предстоит новый под'ем, который будет еще более массовым, более могучим, отмеченным печатью большей политической сознательности и подготовленности. Предстоят новые великие битвы, к которым партия медленной, кропотливой, устойчивой и трудной работой старается подготовить прежде всего рабочий класс России.

Политика приспособления к буржуазному развитию, с одной стороны, и варварская дикая система потопления в крови народа революционного движения, с другой стороны, не спасает самодержавия. Революция будет продолжать свое развитие, и неизбежно настанет такой момент, когда крестьянская масса станет политически сознательнее и активнее, когда она созреет настолько, чтобы понять необходимость и неизбежность революционной борьбы и боевого союза с пролетариатом. Русская революция может одержать полную победу и расчистить дорогу для свободной борьбы за социализм только в результате соединенных революционных усилий временных союзников—пролетариата и крестьянства.

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия продолжает оставаться на посту, во главе рабочего класса, твердо сознавая, что своей трудной, при современных условиях трудной необычайно, работой просвещения и организации пролетариата она неуклонно приближает момент краха стараго строя и завоевания через демократический строй—социализма.

ПАРТИЯ ПРОЛЕТАРИАТА В ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ *).

Причины русско-японской войны.

Важнейшим событием 1904 года была русско-японская война. Она имела громадное значение, явившись фактором, пропитавшим революционным духом нашу страну и приблизившим первую революцию 1905 года, без которой был бы немыслим и 1917 год.

Не бесполезно сказать несколько слов о причинах этой войны, на счет которых среди тогдашних русских социал-демократов наблюдалось некоторое расхождение. Меньшевики подчеркивали, главным образом, ее династический характер, об'ясняя ее исключительно стремлением дома Романовых упрочиться на троне при помощи попытки отвлечь внимание народа от внутренних событий к внешним. До известной степени это, конечно, верно. Страна была недовольна, глухо волновалась, и вполне естественно, что тогдашнее правительство, которым верховодили Победоносцев и Витте, прибегло к этому отвлекающему средству. В истории найдется не один пример, когда короли и императоры в критические для них моменты старались при помощи войны искусственно вызвать в народе патриотическую лихорадку и отсрочить тем самым развязку внутри

---

*) Настоящий очерк представляет собой четвертую и пятую лекции „Ист. Рос. Ком. Партии", с небольшими сокращениями. *Прим. ред.*

государства. Но из той же истории известно, что большая часть таких попыток приводила, обыкновенно, лишь к ускорению краха монархических правительств. Так было и с русско-японской войной.

Но мотив династический еще не исчерпывал дела. Рядом с ним в этой войне играли, несомненно, значительную роль и стремления чисто империалистические, завоевательные, желание заполучить новые рынки и т. п. Многие партийные комитеты, работавшие в России, подчеркивали именно этот характер русско-японской войны, но меньшевики боролись против такого взгляда, доказывая, что ничего подобного в данном случае нет. И если вдуматься теперь в эволюцию меньшевизма, то придется сказать, что уже в самом анализе причин русско-японской войны также заключалось зерно их будущего политического мышления, не хотевшего видеть, как это было и в 1917 году, коренные экономические мотивы этого столкновения.

Пораженчество.

Во время русско-японской войны впервые возникло течение, которое в 1917 году получило название „пораженчества“. На нем необходимо остановиться, так как оно имеет ближайшее отношение к дальнейшей эволюции большевизма и к нашим спорам с нашим политическими антиподами.

Пораженчеством были охвачены не только обе части рабочей партии, т.-е. большевики и меньшевики, но и почти все либеральное буржуазное общество. Это явление, далеко не случайное, показывает, что в те годы, когда царизм наступал, если можно так сказать, на любимые мозоли буржуазии, то она умела итти напролом и даже допускала поражение „своего“ правительства во внешней войне, лишь бы добиться уступок во

внутренней политике... Напр., в 1904 году, известный либеральный писатель,—убежденный, в то же время, монархист,—Борис Чичерин (не наш теперешний наркоминдел, а его родственник, известный публицист) писал: „Последствия этой войны помогут, наконец, разрешить внутренний кризис. Трудно сказать, какой исход войны для этого более желателен". Эти слова, довольно недвумысленно заявляющие, что более желательным является поражение царской России, чем ее победа, были написаны под царской цензурой...

Словом, в 1904 году значительная часть буржуазии стояла за поражение России в русско-японской войне, надеясь таким образом добиться от самодержавия известных уступок и поделить власть с помещиками, которые иначе никогда бы не уступили. Буржуазия прекрасно знала, что если бы царизм победил, то позиция помещиков укрепилась бы еще больше и исчезла бы всякая надежда на конституцию, т.-е. на разделение власти между помещиками и буржуазией.

Пораженческое настроение, но в более резкой форме, разделяли, конечно, и революционеры, в том числе эсеры. Эта партия, не выходившая в 1914—1917 годах из плена „патриотизма", была во время русско-японской войны тоже настроена архипораженчески... Да и вообще почти вся русская интеллигенция, настроенная пораженчески, прекрасно понимала, что разгром царской России в японской войне будет означать победу освободительного движения.

Большевики, меньшевики и русско-японская война.

Теперь обратимся к лагерю тогдашней социал-демократии. Что касается большевиков, то они без малейших колебаний высказывались за желательность полного поражения царской России.

Когда „Искра“, уже ставшая меньшевистской (после того, как тов. Ленин ушел из нее, а Плеханов пригласил к себе на помощь четырех меньшевиков), выкинула лозунг „мир во что бы то ни стало“, большевики возразили, что этот лозунг неправилен. Мы не стоим за мир во что бы то ни стало,—говорили они,—мы не пацифисты. Бывают такие войны, которые, в конце концов, идут на пользу народу. Значит, уже тогда в мировоззрении большевизма обнаружились зачатки его будущей идеологии: превращения империалистической войны в гражданскую.

Меньшевики, хотя не без колебаний, тоже заняли пораженческую позицию. На Международном Социалистическом Конгрессе в Амстердаме, в 1904 году, где наша партия была представлена двумя делегациями: одной—официальной, во главе с меньшевиками (потому что они владели тогда центральным органом партии), и другой—нашей большевистской, малочисленной, не признанной и допущенной лишь с правом совещательного голоса,—на этом конгрессе Плеханов встретился с нашим нынешним товарищем Катаямой, которого многие из вас, вероятно, видели, и который представлял на упомянутом конгрессе японское движение. И вот между ними разыгралась тогда сцена братания: они облобызались, при восторженных кликах всего конгресса, с энтузиазмом аплодировавшего пораженческой речи Плеханова...

Весь II Интернационал, в лице Амстердамского Конгресса, подписался под словами меньшевистского вождя о том, что победу царского правительства он считал бы поражением русского народа. Таким образом, под давлением всей революционной обстановки и видя, что даже буржуазия была настроена тогда пораженчески, меньшевики заняли, в свою очередь пораженческую позицию.

Все это необходимо иметь в виду, чтобы уяснить себе предательство меньшевиков во время войны 1914—17 годов, когда они представляли дело так, будто наша пораженческая позиция была не чем иным, как неслыханной изменой русскому народу. Как известно, далее, в июльские дни 1917 года, они уверяли даже, что за наше пораженчество нам было хорошо заплачено. Во всяком случае, эта страница русской истории весьма примечательна, выявляя тот любопытный факт, что в те дни, когда русская буржуазия была еще не у власти, и над ней сидел помещик, она была настроена весьма пораженчески. Когда русские революционеры и даже часть русской буржуазии выступили определенными пораженцами, тогда японцы и некоторые их наемные агенты сделали попытку забросить к нам удочку: так как вы стоите за поражение царской монархии, то, если хотите, мы охотно вас поддержим деньгами и оружием. Само собой разумеется, что все такие предложения отвергались с негодованием нашей организацией и всеми честными революционерами, а также меньшевиками и Плехановым. Большевики говорили: мы против русского царя, но это не значит, что мы за японского монарха. Но это все же не мешало всем нам — в том числе и меньшевикам — быть пораженцами.

Рост либерального движения.

По мере того, как развивались вызванные японской войной события, либеральное движение росло и ширилось. Возникло не только сильное забастовочное движение среди рабочих, не только студенческое движение, но произошел также громадный сдвиг среди земцев-либералов, увидевших, что самодержавие влипло в историю, из которой оно не вылезет. Либеральная буржуазия почувствовала, что война неизбежно принесет

конституцию подобно тому, как крымская война повлекла за собою освобождение крестьян в 1861 г. И чем больше японцы били царские войска, чем яснее самодержавие доказывало, что оно—колосс на глиняных ногах, тем смелее и даже наглее, в силу тогдашнего переплета социальных сил, становилась русская буржуазия. Мало того, обретя храбрость, она начала организовываться с удивительной быстротой, при чем, как это вполне понятно, эта организация выливалась у нее в те формы, какие ей были свойственны. У рабочего класса, когда в недрах его начинается под'ем, движение принимает обыкновенно формы стачек, массовых демонстраций, а затем—вооруженного восстания; но либеральной буржуазии свойственны иные приемы борьбы: собрания, банкеты и петиции. Самые знатные земцы, среди которых многие были княжеского рода, повели систематические кампании на губернских земских собраниях, составляли на них свои резолюции, которые они называли адресами, и, покрывая их своими подписями, направляли царю. В этих адресах они ему говорили, что он должен послушаться общественного разума и „голоса страны“, т.-е. их голоса, и дать народу конституцию, призвав их, земцев, к власти. Скоро это земское движение достигло своей высшей точки, выразившись в форме посылки депутации к царю. Это было все, на что либералы могли решиться.

Взаимоотношения рабочего класса и буржуазии в 1904 году

В связи с этим пробуждением буржуазии к политической жизни, чего до тех пор в России не наблюдалось, снова возник с особой остротой вопрос об отношении рабочего класса к буржуазии, тот самый основной вопрос, с которым мы сталкивались на всех этапах истории партии и

к которому, в конце концов, сводятся все наши разногласия с меньшевиками. Этот вопрос уже вставал и в легальном марксизме и в борьбе с народниками, со Струве и с „экономистами“ и на втором с‘езде партии, когда была предложена, с одной стороны, резолюция Ленина-Плеханова, а с другой—Мартова и его единомышленников. На этот раз, в 1904 году, вопрос этот возник впервые уже не как теоретический, а как политический и архизлободневный: либеральная буржуазия пришла в движение, и рабочему классу надо было решить, как относиться, в этом случае, к буржуазии? И вот тут-то, как и раньше, между нами и меньшевиками обнаружились крупные разногласия.

Меньшевики выдвинули так называемый план земской кампании, который сводился к следующему. Принимая во внимание, что повсюду происходили губернские собрания представителей либерального земства, обсуждавших положение в России и обращавшихся с петициями к царю, рабочий класс должен был, по мнению меньшевиков, посылать на эти собрания своих представителей, поручая им заявлять дворянам и либеральной буржуазии, что рабочие будут их поддерживать и пойдут вместе с ними, если они будут энергично продолжать свою петиционную кампанию. При этом меньшевики особенно напирали на то, что рабочие не должны запугивать либеральную буржуазию своими чрезмерными пролетарскими требованиями. Меньшевистская „Искра“, та писала прямо и открыто:

„Если посмотреть на арену борьбы в России, что мы увидим? Только две силы: царское самодержавие и либеральную буржуазию, которая сорганизовалась и имеет теперь громадный удельный вес. Рабочая же масса распылена и ничего не может сделать; как самостоятельная сила, мы

не существуем, и потому наша задача заключается в том, чтобы вторую силу—либеральную буржуазию—поддерживать, ободрять и ни в коем случае ее не запугивать пред'явлением своих самостоятельных пролетарских требований“.

Из этой постановки вопроса план меньшевиков выступает с особенной ясностью: рабочий класс, как самостоятельную силу, надо скинуть со счетов, имея в виду лишь две силы: царя и либеральную буржуазию. Какая из них лучше? Конечно, либеральная буржуазия. А если так, давайте поддержим ее. В этой постановке вопроса ярко сказался оппортунизм меньшевиков, и обнаружился их курс: на блок, на союз с буржуазией, а не на самостоятельную роль рабочего класса.

Позиция тов. Ленина.

Против этого меньшевистского плана, явившегося первым крупным практическим разногласием после второго с'езда, на котором большевистская партия начала складываться, решительно выступил большевизм в лице тов. Ленина, написавшего по этому поводу ряд статей и брошюр, которые можно считать первыми важнейшими политическими документами большевизма. Их надо изучить всякому, кто хочет понять историю нашей партии.

Тов. Ленин, отвечая меньшевикам, говорил:— Вы требуете от нас, чтобы мы не запугивали либералов и либеральствующих дворян, но, ведь, вы сами себя запугиваете тенью запуганного либерала. Вы полагаете, что надо иметь в виду только две силы: царское самодержавие и либеральное дворянство, но вы кое-что забыли, вы не заметили малого: ведь, кроме этих двух сил, есть еще одна—громадная, решающая, суверенная:

рабочий класс, который сорганизовался и который, несмотря на то, что его партия—в подпольи, что его бьют на каждом шагу в три кнута, всетаки является главной движущей силой революции. Вы забыли, что пролетариат имеет свою самостоятельную задачу, а не только выбор: либо царь, либо Родичев; либо царская монархия, либо либеральная конституция; вы забыли, что у него есть свой путь, ведущий к соединению с крестьянством, к настоящей народной революции, которая вырвет с корнем монархию, выжжет каленым железом остатки феодализма и будет первым шагом к подлинной пролетарской революции.

И основываясь на этих словах тов. Ленина, мы, большевики, выдвинули другой план: когда буржуазия начинает путаться в ногах у монархии и якобы с ней бороться, в этот момент мы и должны выступить, как самостоятельная сила, выйти на улицу, громить полицейские участки и т. д. Последний проект меньшевикам особенно не понравился, и они принялись над нами насмехаться: что же мы, по-вашему, громилы? разве это революционная работа—громить полицейские участки? По их мнению, гораздо важнее было ходить на губернские собрания либеральных дворян и поддерживать их, „не запугивая". Словом, вопрос стоял так: сыграет ли рабочий класс самостоятельную роль в революции или останется прихвостнем либеральной буржуазии? будет ли он простым придатком буржуазии, ее левым крылом, или, наоборот,—самостоятельной и главной движущей силой революции, которая произведет своим вмешательством известную перетасовку в соотношении классовых сил?

И вот тогда-то, в эту земскую кампанию, когда вполне обрисовалась позиция меньшевиков и их тактика поддержки буржуазии и союза с ней, от них стали отходить Парвус и т. Троцкий,

которые их до тех пор поддерживали. В то же время большевизм стал укрепляться, так как к нему стали переходить все революционеры и рабочие, которые считали до тех пор все разногласия лишь спорами о пустяках и деталях, а теперь убедились, что дело шло не о второстепенном вопросе, но об исторической роли рабочего класса в революции, другими словами,—о характере самой русской революции: быть ли ей обычной буржуазной революцией, какие не раз уже были в 1848 году и раньше, или же стать революцией нового типа, когда главной движущей силой и гегемоном будет рабочий класс. С этого момента, повторяю, в большевизме начался процесс консолидации, и как губка всасывает воду, так и он стал притягивать к себе наиболее революционные элементы тогдашней социал-демократии, убедившиеся, наконец, в его правоте.

Здесь необходимо сказать попутно несколько слов относительно внутрипартийных и организационных вопросов, которые развели нас и меньшевиков в разные стороны.

Спор о демократизме внутри партии.

В 1904-5 годах большую роль сыграл вопрос о демократизме в партии. Это—весьма интересный эпизод, бросающий яркий свет на некоторые споры нашего времени. Меньшевики крепко стояли за „последовательный демократизм“ в партии, за строгое выборное начало, между тем как большевики, с тов. Лениным во главе, решительно против него тогда боролись. В данную минуту молодым товарищам может показаться странным, как это большевики были против демократизма, против выборности в партии, а меньшевики стояли и за то и за другое. Но их недоумение легко рассеять.

Дело в том, что меньшевики не верили в самостоятельную роль пролетарской партии в революции, не верили, что нам удастся при самодержавии создать серьезную пролетарскую партию. Как я уже говорил, они хотели иметь такую партию, куда легко и свободно могли бы входить и студент и профессор; они думали, что наша партия всегда будет интеллигентской, и стремились, поэтому, к такой вполне законченной постройке, при которой каждый „его величество интеллигент“ сможет получить свою долю прав, когда никто его не будет „угнетать“, когда он будет избирать и слушать отчеты,—одним словом, когда будет „настоящий демократизм“—совсем „как в Европе“.

Большевики, устами тов. Ленина, возражали им следующее:—И мы стоим за демократизм, но только тогда, когда он действительно будет возможен; теперь же демократизм был бы игрой в бирюльки, а этого мы не хотим, потому что нам нужна серьезная партия, которая могла бы бить царя и буржуазию. В настоящее время, когда мы—в подпольи, мы осуществить подлинный демократизм партии не сможем; нам нужна организация испытанных профессиональных революционеров, доказавших долгими годами работы, что они готовы отдать свою жизнь за революцию и партию, и вот таких-то людей мы возьмем и им в руки отдадим свою судьбу. При самодержавии, при его зверских репрессиях, если мы будем гнаться за выборностью, за демократизмом, мы только поможем царской шайке разбить нашу организацию и облегчим царским сыщикам и провокаторам охоту на наших единомышленников.

Меньшевики, как ловкие демагоги, ловили всех малоопытных рабочих, печатали их письма и кричали: „Вот видите! Это—рабочие, они требуют выборности, а вы их обижаете, не соглашаетесь!“.

В Питере есть рабочий Глебов-Путиловский (он был тогда меньшевиком), написавший в таком именно духе очень путаную брошюру за демократизм. Меньшевики моментально ее напечатали с предисловием самого Аксельрода, заявив: вот видите—устами этого рабочего глаголет весь пролетариат, все рабочие требуют выборности, а вы ее не даете.

Тов. Ленин отвечал статьей: „Соловья баснями не кормят". Смысл ее был таков:

Мы тоже знаем рабочих: они стоят за демократизм, как и мы, но за такой, который действительно нам нужен; и когда он будет возможен, мы первые проведем его. А своими сказками вы только заговариваете зубы. Настоящий серьезный рабочий понимает, что демократизм и выборность—не самоцель, а средство для освобождения рабочего класса. Мы строим партию так, как это нам выгоднее для борьбы в данный момент. А в эту минуту нам необходима строгая иерархия и централизм.

Теперь нам, конечно, ясно, что в то время меньшевики пытались при помощи „демократизма" играть с рабочими, рассчитывая поймать их на эту удочку. Они кричали на всех перекрестках: „Мы предлагаем выборность, а большевики против; значит, они против вас, а потому—идите к нам". Но скоро рабочие их раскусили.

Организационно события развивались в этом отношении следующим образом.

Засилье меньшевиков и создание Бюро Комитетов Большинства.

На втором с'езде большевикам достались, как известно, и Центральный Комитет партии, и ее центральный орган, которым руководили Плеханов и Ленин, и Совет Партии. В последний

входили два представителя от Центрального Комитета, два—от центрального органа партии, который находился за границей, и пятый—председатель, которого выбирали на самом с'езде. Этим пятым был выбран Плеханов. В Совете Партии у нас тоже было большинство. Однако, через несколько месяцев, когда Плеханов повернул фронт, а часть членов-большевиков Центрального Комитета была арестована в России, получилась такая вещь: сначала перешел к меньшевикам центральный орган партии „Искра", затем из наших рук выскользнул Центральный Комитет, куда, после ареста наших товарищей, выбрали меньшевиков, и, наконец, Плеханов, перейдя на сторону меньшевиков, принес им в приданое и Совет Партии. В короткое сравнительно время мы потеряли все эти центральные позиции. Меньшевики сидели и в Центральном Комитете, и в центральном органе партии, и в Совете Партии, и Мартов мог разгуливать, надев по ермолке на каждую руку, ибо он был „один в трех лицах"—Совет Партии, Центральный Комитет и центральный орган партии.

Такое положение было для нас чрезвычайно тяжелым. Надо сказать, что в то время весь авторитет партии был на стороне меньшевиков. Тов. Ленин, при всем весе, каким он пользовался в партии, был всетаки по сравнению с Плехановым еще молодым деятелем. А это имело, конечно, большое значение. Я, например, вспоминаю свои первые беседы с Плехановым (в то время я и подавно был „комсомольцем"), когда он запугивал нас, говоря: „За кем вы идете? Вы посчитайте только, кто на нашей стороне: я (Плеханов), Мартов, Засулич, Аксельрод и другие, а у вас там—один только Ленин. Ведь дело, в конце концов, повернется так, что через несколько месяцев все воробьи будут смеяться над вашим Лениным. А вы идете за ним!" И действительно, часть партии

была под гипнозом этих старых авторитетов, заслуги которых (хотя бы такого человека, как Плеханов) были громадны.

Положение большевиков было, повторяю, чрезвычайно трудным и осложнялось еще тем, что не было возможности опросить партию, которая была загнана в подполье и подвергалась яростным преследованиям со стороны царизма.

В связи с таким положением, для большевиков все острее выявлялась необходимость организоваться особо и закрепить формально эту организацию. Тов. Ленин, которого многие, в особенности меньшевики, прославили, как свирепого и неутомимого „раскольника", хотя на самом деле он решался на такие шаги с большим трудом и после многих размышлений, когда иного выхода не оказывалось,—тов. Ленин, после долгого раздумья и всестороннего рассмотрения вопроса, решился на этот раскол. На него повлияло также, до известной степени, давление русских комитетов и, отчасти, тогдашней, более нетерпеливой большевистской молодежи, которая говорила: время не ждет, революция близка, надвигаются крупные события (дело было незадолго до 9 января), надо организовать свою партию. И вот целый ряд областных конференций партии—северная, южная, московская и др.—выдвинул план создания в России „Бюро Комитетов Большинства", в противовес меньшевистскому Центральному Комитету. Когда, таким образом, основалась всероссийская центральная организация большевиков, вступившая в непосредственную борьбу с меньшевистским Центральным Комитетом, тогда тов. Ленин дал окончательно свое согласие на организацию отдельной партии, после чего мы приступили к изданию заграницей первой большевистской газеты, которая называлась „Вперед" и вышла в начале 1905 года в Женеве, питаясь

жалкими средствами, собранными по грошам среди большевиков, сочувствовавших этому движению. „Вперед“ продолжало дело старой ленинской „Искры“, но уже в новой обстановке, и закладывало основание тактики большевиков. Таким образом, к началу 1905 года большевики имели в России Бюро Комитетов Большинства, а за границей большевистский орган „Вперед“. Меньшевики, с своей стороны, имели в своем распоряжении Центральный Комитет, центральный орган и Совет Партии.

9-ое января и его значение.

В такой обстановке, когда партия была все еще распылена, все еще пребывала в подпольи, а внутри нее шла сильная борьба двух оформлявшихся течений, разыгрались события 9-го января. Их основное содержание заключалось в том, что через голову оформленной партийной организации беспартийная рабочая масса вышла на улицу, заполонила площадь Зимнего дворца и показала, что меньшевики ошибались, когда говорили, будто на арене борьбы действуют только две силы: царская монархия и дворянская оппозиция. 9-е января доказало, что есть еще одна сила, которую меньшевики, как слона, и не заметили, а именно—рабочий класс. Правда, рабочая масса еще ясно не знала, что она хотела, она была неорганизована и не имела своих вождей, выдвигая, в качестве таковых, случайных людей; правда, она шла с иконами, была несознательна, и ее расстреляли, как стаю уток,—все это так, но эта масса существовала и была могучим политическим фактором. Ее выступление 9-го января потрясло всю Россию, а это было куда ценнее всяких либеральных резолюций и петиций. 9-го января рабочий класс доказал, что он жив и что задача истинных революционеров была не в том,

чтобы бегать по губернским собраниям и передним знатных земцев, не в том, чтобы говорить спокойные и никого „не пугающие“ речи, а в том, чтобы возглавить бурно разразившееся рабочее движение, которое прорвалось, как плотина, не имея на первых порах ни вождей, ни ясной политической программы. Другими словами, было туловище, к которому надо было приставить голову: надо было партии вмешаться в эту массу, взять на буксир ее великое движение и повести ее по историческому пути рабочего класса.

9-ое января и дальнейшие события выдвинули, как известно, несколько случайных беспартийных фигур. Это факт вполне понятный и об‘ясняется он тем, что партия была тогда в подпольи и не могла связаться как следует с поднимавшейся рабочей массой. Среди этих случайных фигур были Гапон, Хрусталев и лейтенант Шмидт,—люди сильно отличавшиеся друг от друга, но все трое совершенно новые для революции. Гапон, сыгравший 9-го января крупную роль, оказался потом провокатором и был казнен революционерами, а Хрусталев, впоследствии отошедший от партии, показал себя полуавантюристом. Что же касается лейтенанта Шмидта, то, будучи довольно привлекательной фигурой, он не был все же сознательным революционером. Не так давно вышли его письма к близкому человеку, которые я советую каждому из вас прочитать, так как они представляют большой интерес, как человеческий документ, затрагивающий, между прочим, некоторые вопросы личной этики. Со страниц этой книги Шмидт смотрит на нас глубоко преданным революции человеком, спокойно шедшим за нее на смерть, но вместе с тем, мы видим, что в политическом отношении это был человек без руля и без ветрил. Это можно сказать при всем уважении к его памяти. В письме

к близкому ему человеку Шмидт пишет: „Надо повидаться с Милюковым и обсудить с ним важные дела. Я надеюсь с ними сговориться. Мы пойдем вместе с ними“. Таким образом он был вначале полукадетом. Но это не мешает нам склоняться перед его могилой: это человек, героически погибший за дело революции.

Я привел эти имена, чтобы показать, какие неожиданные фигуры выдвигало тогда движение, выбрасывая на свою поверхность людей, не имевших ясной программы и не знавших, как руководить всколыхнувшимися массами. Тот самый Шмидт, который руководил восстанием в черноморском флоте, мечтал, вместе с тем, сговориться с кадетами, т.-е. с помещичьей и монархической партией, каковыми были тогда „конституционные демократы“. Нисколько, поэтому, не удивительно, что три крупных, каждая по-своему, фигуры, выдвинутые 1905-м годом, остались эпизодическими, так как не имели корней в рабочем классе.

9-е января поставило на очередь общий вопрос о том, как должна партия руководить могучим движением рабочих, которые рвутся в бой, но, в то же время, не имеют программы, не знают, чего хотят, и идут к Зимнему дворцу с иконами и хоругвями. Вместе с тем 9-е января, гулко прогремевшее на всю Россию, уничтожило веру в монархию. Это не преувеличение. Рабочие, еще вчера верившие в монархию и думавшие, что плохи только министры, увидели, что их самый страшный враг—именно монархия, именно царь.

Споры вокруг лозунга «временное революционное правительство».

Что касается нашей партии, то перед ней 9-е января поставило во весь рост вопрос о власти или, как тогда говорили, об участии во временном революционном правительстве. Большевики

со всей силой выдвинули лозунг: организация вооруженного восстания и создание временного революционного правительства. Но меньшевики энергично против него возражали. И снова крайне характерно, что против нашего участия во временном революционном правительстве они приводили якобы „марксистские“ доводы. Они говорили: Как можем мы, социалисты, войти в правительство, которое не будет социалистическим? Они намекали на свежий западно-европейский опыт.

Как раз незадолго до того во Франции закончилась эпопея так называемого мильерандизма. Слово это происходит от имени нынешнего президента французской буржуазной республики—Мильерана. В те годы он был социалистом и даже, одно время,—левым. Но потом буржуазия его подкупила и привлекла к участию в правительстве. Он вошел во французский буржуазный кабинет, говоря: „Я иду туда, чтобы защищать там интересы рабочих“. Но он там этого не делал и не мог, конечно, делать, а постепенно стал агентом буржуазии. Против Мильерана, против мильерандизма боролись все ортодоксальные марксисты, и на Амстердамском с‘езде даже Второй Интернационал высказался против него. Там по этому поводу произошел поединок между покойным Жоресом, защищавшим (правда, наполовину) мильерандитскую тактику, и Бебелем, который был против участия в буржуазном правительстве. Победил Бебель, и было постановлено, что участие социалистов в буржуазном правительстве ни в коем случае не допустимо, ибо всякий такой социалист на деле станет заложником, приказчиком буржуазии и будет ею использован. Во Франции оно так и было. Мильеран уже через год, расстреливал бастовавших рабочих, а недавно он был президентом французской буржуазной республики.

Меньшевики не преминули припутать к нашему спору этот французский опыт. Они говорили: „А как же мильерандизм? Посмотрите, что из этого вышло. Можем ли мы после этого участвовать во временном революционном правительстве России?“ А мы им отвечали: „Позвольте,— да ведь, вы не замечаете одной небольшой детали: во Франции Мильеран пошел в устойчивое буржуазное правительство, когда никакой революции не было,—попросту говоря,—он продался буржуазии. У нас же, в 1905 году, дело идет о том, чтобы свергнуть царя, трон которого уже трещит, а для этого надо в ходе борьбы создать какую-нибудь центральную революционную рабоче-крестьянскую организацию, другими словами,— временное революционное правительство“.

Но меньшевики стояли на своем, пуская в ход софизмы, подтасовывая факты и указывая на мильерандизм, т.-е. распевая совсем из другой оперы. Что было бы, если бы их взгляд, будто мы не должны входить во временное революционное правительство, одержал победу? Было бы то, что после падения царизма в правительство прошла бы буржуазия (ибо кто-нибудь ведь должен организовать правительство). Именно этого меньшевики и хотели. Их точка зрения была такая: рабочие не должны соваться в политику: их дело маленькое—экономическая борьба или поддержка либеральных земцев; а что до временного революционного правительства—или, вернее, временного нереволюционного правительства,— то его сумеет организовать и Милюков. И действительно, в 1917 году они были рады-радехоньки, что нашелся Милюков и осчастливил их, согласившись принять из рук эсеров и меньшевиков власть, завоеванную рабочими.

Из вышесказанного ясно, почему меньшевики выступали против лозунга „временное

революционное правительство". Их пуританские, на первый взгляд, доводы были не чем иным, как оппортунизмом. Верные своей неизменной тактике, они пользовались всем, вплоть до марксистской терминологии, чтобы оттиснуть рабочих от власти и лишить их роли руководящего класса. Меньшевистский пуританизм на деле все время был оппортунизмом. Они вопили против сближения рабочих с крестьянами, выдвигая в качестве мотива „классовую чистоту", а сами все время входили в блок с Черновыми, Савинковыми, Керенскими, т.-е. с самой дрянной и контр-революционной частью „крестьянской" партии.

Третий с'езд большевиков в Лондоне и первая конференция меньшевиков в Женеве.

В середине 1905 года состоялся третий с'езд партии, который, как уже было сказано, можно считать, в известном смысле, первым с'ездом большевиков, потому что на нем участвовали только они одни. Меньшевики, имея в правом кармане печать Центрального Комитета, а в левом—Совета Партии, говорили, что им никакого с'езда не надо, потому что вся власть была в их руках. Вследствие этого мы, большевики, были вынуждены, чтобы выйти из этого положения, созвать новый с'езд. Но меньшевики решительным образом этому воспротивились, и нам пришлось его собрать вопреки тогдашнему Ц. К. С'езд был созван Бюро Комитетов Большинства и состоялся заграницей, в Лондоне, в середине 1905 года. В то же время меньшевики собрали свою первую, как они выражались, Всероссийскую Конференцию в Женеве. Таким образом, летом 1905 года, уже перед самой революцией, состоялся смотр сил, с одной стороны—большевиков, на третьем с'езде в Лондоне, а с другой—меньшевиков, на „Первой Всероссийской Конференции"

в Женеве. На этих двух с'ездах обе стороны выработали детальную тактику—каждая сторона свою—применительно к революции 1905 года, ибо все чувствовали, что не сегодня-завтра настанут решающие дни.

Третий с'езд имел громадное значение. Главная его заслуга была в том, что он впервые выдвинул разработанную программным образом идею соединения всеобщей забастовки с вооруженным восстанием. Теперь это нам кажется, как и многое другое, довольно обычной вещью, но в то время это было очень ново. Остановимся на несколько минут на вопросе о всеобщей забастовке.

Вопрос о всеобщей забастовке.

Международная социал-демократия, в лице II интернационала, эту идею тогда отвергала. Во II Интернационале ходило крылатое словечко покойного Ауэра, известного оппортуниста-вожака немецкой партии: Generalstreick ist Generalunsinn *). Почему? А потому,—говорил он,—что если бы мы, действительно, могли провести всеобщую забастовку так, чтобы все рабочие, как один, бросили работу, то это значило бы, что мы можем сделать и революцию; но если, с другой стороны, мы—такая сила, тогда нам не надо всеобщей забастовки; если же мы этого не можем, значит— у нас не выйдет и всеобщая забастовка. Отсюда Ауэр делал вывод: всеобщая забастовка—бессмыслица. Меньшевики подпевали Второму Интернационалу в этом вопросе. И тогда, действительно, о всеобщей забастовке не было и речи: была полоса такого затишья, что когда в Бельгии, в связи с избирательным правом, произошла небольшая стачка, продолжавшаяся всего два дня, то

*) Всеобщая стачка—всеобщая бессмыслица.

это было громадное событие, о котором писали целые исследования, в том числе и покойная Роза Люксембург.

При таком отношении Второго Интернационала, а меньшевиков и подавно, к вопросу о всеобщей забастовке, третий с'езд оказал большую услугу революционному движению, выдвинув вперед эту идею и заявив, что всеобщая забастовка—не бессмыслица, что в России она стоит в порядке дня и что мы ее проведем.

Вопрос о вооруженном восстании.

Еще более остро стоял вопрос о вооруженном восстании. О нем Второй Интернационал и слышать не хотел, доказывая, что это—анархизм, и ссылаясь на предисловие Энгельса, написанное им в 90-х годах. В этом предисловии Энгельс, указывая на бешеный рост военной техники буржуазных армий и на перестройку улиц в больших городах, которые, став слишком широкими, не давали возможности вести баррикадные бои, приходил к выводу, что, при таких условиях, вооруженное восстание—вещь очень трудная, так как буржуазия разобьет в несколько часов любое движение такого рода. За это предисловие крепко ухватились все оппортунисты и твердили в один голос, что вооруженное восстание—невозможно, что это, мол, „доказано Энгельсом", совершенно упуская из виду, что в России—условия иные и что империалистические войны могут создать другое положение в самих армиях и в Западной Европе.

И в этом отношении третий с'езд нашей партии опять оказал революционному движению крупнейшую услугу, заявив, что он ставит вооруженное восстание в порядок дня, что оно возможно и что оппортунисты неправильно толкуют Энгельса. При этом он не только выдвинул каж-

дую из этих идей в отдельности, но еще предложил их синтез, т.-е. соединение вооруженного восстания со всеобщей забастовкой, как бы предусмотрев пророческим оком ход событий 1905 года, а потом и 1917-го.

Заслуги третьего с'езда.

Таким образом, на третьем с'езде был заложен несокрушимый фундамент большевистской тактики и начертана точная программа грядущей революции. Не надо забывать, что этот с'езд заседал за два-три месяца до решающих событий 1905 года и что его постановления явились для революционных партий всего мира как бы образцом того, как революционная марксистская мысль, если она связана с массовым рабочим движением, может предугадывать путь революции. Перечитывая резолюции третьего с'езда, можно сказать, что, приложив ухо к земле и прислушавшись к событиям в России, он предсказал, на основе марксистского анализа, их дальнейший ход.

Вопрос о вооружении рабочих.

Тем временем меньшевики завершали и совершенствовали свою оппортунистическую программу. На своей Всероссийской Конференции они выдвинули совершенно другую идею—так называемого „революционного самоуправления". Они готовились к участию в Булыгинской Думе и разработали оппортунистически все стоявшие на очереди вопросы. В этом смысле отличным примером может служить вопрос о вооружении рабочих. Третий с'езд нашей партии выдвинул его с большой силой и энергией. В наши дни он кажется нам, как и многое другое, азбукой, но тогда, в годы мирного развития Второго Интернационала, когда Каутский и его присные боялись ружья, как огня, вооружение рабочих казалось

многим диким бунтарским бредом. И вот, когда третий с'езд нашей партии поставил этот вопрос ребром, меньшевики, на своей Всероссийской Конференции, завопили, что это неслыханный анархизм, что это бунтарство! Нам надо вооружать рабочих не оружием,—говорили они,—а сначала „жгучим сознанием необходимости вооружаться". На это им превосходно ответил большевизм: Вы считаете русских рабочих маленькими детьми, вы хотите „вооружать их сознанием"; но это время уже прошло; сознание у них есть, и теперь их надо вооружать уже винтовкой, чтобы бить царя и буржуазию.

Вот как резко расходились мы тогда с меньшевиками. С одной стороны была боевая рабочая фаланга, готовившаяся к революции, а с другой—кисло-сладкие разговоры о революционном самоуправлении, т.-е. об улучшении земств и городских дум и участии в Булыгинской Думе.

Комиссия Шидловского.

После событий 9-го января царское самодержавие увидело себя вынужденным пойти на известные уступки рабочим, выдвинув для этой цели так называемую комиссию Шидловского, которую многие петроградские рабочие, вероятно, еще помнят. Царь назначил председателем этой комиссии сенатора Шидловского и предложил рабочим послать туда своих представителей для совместного обсуждения вопросов о некотором улучшении быта рабочих, в духе требований Гапона. Само собой понятно, что коренных политических вопросов эта комиссия не затронула, ограничившись сущими пустяками. Эту комиссию надо было использовать, как всякую легальную возможность, что мы и сделали. Но меньшевики построили тут целую философию и набросились на комиссию, как мухи на сахар.

Булыгинская дума.

Еще позднее, когда рабочее движение получило дальнейшее развитие, когда сорганизовался Союз Союзов и стало усиливаться движение среди крестьян, когда в армии и во флоте, особенно на военных кораблях, стало зреть настроение, приведшее потом к восстанию на броненосце „Потемкин Таврический",—тогда царское самодержавие подумало о более значительных „реформах" и решило созвать Думу, получившую название —„Булыгинской". Подготовка этого дела, в смысле выработки соответственного избирательного закона, была поручена царем Булыгину. Мысль царской шайки заключалась в том, чтобы созвать такую Государственную Думу, которая не имела бы никаких серьезных прав, а являлась бы лишь органом совещательным, представляющим свои мнения на „благовоззрение" монарха, который и решает все вопросы. Выработанный Булыгиным избирательный закон был таков, что рабочие не получали почти ничего, между тем, как дворянство и буржуазия имели все права.

Когда очертания Булыгинской Думы выяснились в достаточной степени, возник вопрос—как к ней отнестись. Большевики предложили отказаться от какого бы то ни было участия в этой Думе, бойкотировать ее и, мобилизовав массы, сорвать ее. Мы чувствовали, что начавшееся движение было исключительной силы, что своими плохо испеченными пряниками царское самодержавие никого уже не накормит, что надо их вырвать у него из рук, бросить наземь и итти дальше против царизма. Меньшевики, как водится, увидели в царском проекте начало парламентаризма в России и предложили сначала участвовать в Думе. А когда их стали высмеивать, они от участия отказались, заявив: в таком случае

мы будем созывать избирательные собрания, выбирать своих людей не в Думу, а в органы революционного самоуправления. Но потом и этот план был отброшен, и революция перешла к очередным делам через Булыгина с его Думой и через меньшевистский проект „революционного самоуправления". Рабочие сказали: в бирюльки играть мы не намерены; наступает серьезное время, пахнет порохом, близится настоящая революция; незачем выбирать в Думу, которую подсовывает нам царское самодержавие.

Октябрьские события 1905 года.

При такой обстановке разыгрались октябрьские события 1905 года: всероссийская забастовка, энергичная деятельность Союза Союзов, 17-е октября, известные уступки со стороны самодержавия и, наконец, конституция. Подробности и закулисную сторону дарования конституции можно узнать из записок Витте, который всесторонне обрисовывает в своей книге игру страстей, партий и придворных интриг. В то же время нарождается первый петербургский Совет Рабочих Депутатов. Я подчеркиваю: Совет Рабочих Депутатов, а не Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Это очень важно, потому что именно в этом была его главная слабость. Большевики говорили: для того, чтобы стать силой, надо иметь Советы не только рабочих, но еще солдатских и крестьянских депутатов. Это, однако, не удалось сделать, потому что движение было слишком слабо.

Сама идея Советов, как и все крупные идеи, родилась в массах. Меньшевики пытались потом представить дело так, будто их куцая идея революционного самоуправления воплотилась затем в идею Советов. Но от их идеи до Советов так же

далеко, как до звезды небесной. Не меньшевики выдвинули идею Советов: она родилась в массах, в их глубоких недрах, на фабриках и заводах Петербурга. Петербургкий Совет стал зародышем правительства. И дело обстояло так: либо этот Совет возьмет в свои руки власть и разгонит царское правительство, либо оно разгонит Совет. Как известно, произошло последнее. Часть большевиков совершила ошибку, требуя, чтобы Совет официально принял с.-д. партийную программу. Но Ленин и большевистский Ц. К. скоро исправили эту крупную ошибку.

Декабрьское (1905 г.) вооруженное восстание в Москве.

Кульминационным пунктом движения было декабрьское восстание в Москве, на Пресне. Руководящая и организационная роль принадлежала в нем большевикам, их комитету, во главе которого стояли: покойный Шанцер (Марат), умерший заграницей в 1911 году, нынешний замнаркомвнудел Владимирский, член нашей партии Седой, который жив, и несколько других товарищей. Этим же комитетом были впервые организованы рабочие боевые дружины.

Московское вооруженное восстание, имевшее громадное историческое значение, было разбито и потоплено в крови рабочих. И почти сейчас же после того даже лучшие из меньшевиков,—как, например, Плеханов,—поспешили от него отречься. Плеханов написал по этому поводу холодную, бездушную, почти предательскую фразу: „Не надо было браться за оружие“. На это мы ему ответили: ошибочно это движение или нет,—но только из-под пера враждебного рабочему классу человека могли вырваться такие слова. Когда в 1871 году

парижские коммунары потерпели поражение, Маркс, предостерегавший парижских рабочих от восстания, не сказал им, что не надо было браться за оружие, а написал блестящую книгу: „Гражданская война во Франции“, увековечив великое дело парижских коммунаров в поистине бессмертном творении, являющемся шедевром марксистской публицистики. Плеханов, как и многие другие, не пошел по пути Маркса: словно барин от революции, он остался стоять в стороне и, как звездочет, обсуждал движение лишь с отвлеченной точки зрения—„не надо было браться за оружие“. Большевики поступили не так. Тов. Ленин отнесся к этому восстанию с величайшей любовью. Его первый лозунг был: изучать все, даже малейшие эпизоды этой борьбы, технику боев и биографии отдельных участников. Ленин не из тех „революционеров“, которые солидаризуются лишь с победоносным восстанием (на это охотников найдется очень много)—ему дорого также и разбитое восстание нашего класса. Бывают поражения, которые ценнее иной победы. А декабрьское поражение 1905 года было именно таким. Это было первое восстание передовых рабочих под лозунгами нашей партии, когда они уже ясно знали, чего хотели, а не шли за знаменами Гапонов. Самый факт его показал, что движение поднялось на новую ступень, что рабочий класс вырос в великую самостоятельную силу, имел ясную программу и был проникнут готовностью обрушиться на вооруженную до зубов царскую армию. Пусть движение потерпело неудачу: мы не заключали договора с победой. Рабочие обычно идут к ней через ряд поражений. И потому, солидаризуясь целиком с этим восстанием, большевики об‘явили решительную борьбу Плеханову за его ренегатскую фразу—„не надо было браться за оружие“.

Опыт революции 1905 года.

Первая революция 1905 года была в известной мере репетицией революции 1917-г. Без 1905 года была бы невозможна такая, сравнительно, легкая победа в 1917 году. Несмотря на то, что идея Советов промелькнула в 1905 году как метеор, она все же глубоко запала в душу рабочего класса и, когда, в 1917 году, загремели первые раскаты Февральской революции, каждый рабочий считал уже само собой разумеющимся, что страна должна покрыться сетью Советов. Повторяю: многие события в 1917 году совершились бы по-другому, если бы у нас не было великого опыта революции 1905 года. Но непосредственно, сама по себе, революция 1905 года потерпела поражение. И тут возникает вопрос: почему? в чем причины ее неудачи?

Меньшевики дали на это ответ, который изложен весьма подробно в их известном пятитомном труде, написанном под редакцией Мартова, Потресова, Дана и других меньшевистских вождей во время контр-революции, т.-е. в 1909-10 годах. Их об'яснение следующее. Революция 1905 года потерпела поражение потому, что рабочий класс зашел слишком далеко в своих чисто классовых, пролетарских требованиях. Так он выдвинул и даже стал осуществлять явочным порядком, в конце 1905 года, 8-часовой рабочий день. С точки зрения меньшевистской философии истории это было первое преступление рабочего класса в революцию 1905 года. Своими чрезмерными требованиями,--уверяли меньшевики,—рабочий класс оттолкнул от себя значительную часть буржуазии и побудил ее на союз с помещиками, т.-е. с царизмом. Меньшевики считали деятельность всего первого Совета Рабочих Депутатов в Петербурге ошибочной и даже прямо демагогической,

не смотря на то, что одно время руководство в нем принадлежало в значительной мере самим меньшевикам. По их мнению Совет шел стихийно по пути большевизма. Это последнее до некоторой степени верно. Первый Петербургский Совет Рабочих Депутатов, состоявший в партийном отношении далеко не из одних большевиков, действительно шел, под влиянием всей тогдашней обстановки, по пути большевизма. Более того. История даже сыграла с меньшевиками такую злую шутку. Их ежедневная газета „Начало", выходившая с конца 1905 года, тоже сильно отклонилась на большевистский путь, и мы дожили до того, что впоследствии весь меньшевистский генеральный штаб отрекался от своего собственного органа печати.

Эта газета попала в руки Парвуса и тов. Троцкого. Начиная с середины 1905 года, когда наметилось разногласие в вопросе об отношении к буржуазии, эти два выдающихся меньшевика стали отходить от меньшевизма. Когда „Начало", вследствие целого ряда обстоятельств, попало под их руководство, они придали ему, в значительной мере, большевистский характер. В историю партии это направлание, возглавлявшееся тогда Парвусом и тов. Троцким, вошло как течение, отстаивавшее так называемую перманетную т.-е. непрерывную, революцию. Идея эта заключалась в следующем.

Перманетная революция.

„Начало" утверждало, что революция 1905 г. открыла собою полосу революций, которая закончится лишь с полной победой мирового пролатариата. Газета подчеркивала, что русская революция есть часть международной и что, следовательно, ее полная победа возможна только при условии торжества международной. В этом

течении было много привлекательного, но немало также и ошибочных сторон. Главное заблуждение его состояло в том, что оно либо игнорировало, либо в сильной степени не дооценивало роли крестьянства, совершенно упуская из виду, что русская революция не может победить, если рабочий класс не установит тесного содружества с деревней. Другими словами, лидеры этого течения не дооценивали лозунга большевиков, который был формулирован Лениным еще в середине 1905 года,—лозунга, провозглашавшего диктатуру пролетариата и революционного крестьянства.

Как бы то ни было, меньшевистская газета „Начало" стихийно пошла отнюдь не по меньшевистскому пути. И меньшевики, подводя итог поражению революции 1905 года, должны были оплакивать не только тактику большевиков, не только линию поведения Петербургского Совета, но и направление своей собственной газеты „Начало", которая в то время оказывала, разумеется, сильное влияное на все движение. Вполне понятно, в связи с этим, и их об'яснение неудачи 1905 года: рабочий класс уклонился-мол, как тогда выражались, в максимализм, увлекся неосуществимыми требованиями, пошел по большевистскому пути и свернул себе шею; главная ошибка рабочего класса заключалась по мнению меньшевиков, в том, что он не окорнал свою программу, не приноровил свою тактику к требованиям буржуазного „общества", а перешагнул через них, выдвинув 8-часовой рабочий день и другие чисто классовые притязания.

Причины неудачи движения 1905 года.

Большевики думали иначе. Даже если верно,—говорили они,—что выдвигать 8-часовой рабочий день было в то время ошибкой, то, все равно, движение в его пользу было неизбежно. Только

чиновники могут представлять себе революцию так, что проснувшиеся миллионы угнетенного класса откажутся от своих требований и не будут выдвигать того, что является для них самым больным вопросом. Если бы в Петербурге—говорили мы—и вообще на свете не было тогда ни одного большевика, то, все равно, рабочие массы, пробудившись после десятилетий угнетения, выдвинули бы требование 8-часового рабочего дня и не ограничились бы поддержкой буржуазных конституционалистов. На самом же деле это требование не было ошибкой: иначе не могло и не должно было быть. Рабочий класс России, насчитывавший тогда по крайней мере восемь миллионов человек (а может быть и все десять), почувствовал, что исход дела зависел от него. И поднявшись на ноги, он не мог, разумеется, не поставить в порядок дня своих основных классовых требований. Если он в 1905 году был разбит, то придет все же время, когда требования 1905 года победят. Таковы были наши решительные возражения на упомянутую меньшевистскую философию.

Какой же диагноз ставил большевизм поражению революции 1905 года? Он держался и держится того мнения, что неудача 1905 года имела три коренных причины. Первая и самая главная: международная обстановка. И в самом деле, русская революция была и должна была быть эпизодом международной борьбы. Тот факт, что наша революция 1917-20 годов тесно связана с международными событиями, теперь ясен каждому. Но и революция 1905 года была не менее тесно связана со всем международным положением. Заем, который министру Витте удалось заключить у иностранных банкиров, сыграл, без сомнения, решающую роль. Кроме того, международная буржуазия, подав царизму помощь деньгами, оказала ему также большую моральную

поддержку. В то время западно-европейский буржуазный мир не был так расколот, как в наши дни. Тогда он представлял собою одно довольно прочное целое. Царская Россия находилась в самых дружественных отношениях с буржуазной Францией, и пресловутый франко-русский союз был в действительности союзом миллионов царских штыков с миллиардами французских франков. И надо сказать, что это был могучий союз. Но русскому царизму оказывала могущественную поддержку не только Франция: почти все крупные западно-европейские державы также помогали ему довольно усердно. И хотя поражение царской России в русско-японской войне было на руку отдельным капиталистическим группам, соперничавшим с такими же русскими группами, но в целом западно-европейский буржуазный мир безусловно поддерживал царизм и не давал ему упасть. Кроме того, западно-европейские буржуазные политики мирили русский царизм с кадетами и с русскими либералами, вожди которых поддерживали связь с европейским капиталом. Ныне не подлежит сомнению, что французская и прочая иностранная буржуазия сыграла роль маклера и посредника между частью русской оппозиционной буржуазии и царским самодержавием. Русский царизм чувствовал за своей спиной буржуазию наиболее цивилизованных европейских государств. Такова первая причина поражения революции 1905 года.

Вторая причина—несознательность крестьянства. Плеханов сказал, что русская революция сможет победить только как рабочая революция. Это верно и бесспорно в том смысле, что рабочий класс должен быть гегемоном, основной силой в революции. Но формула Плеханова страдала неполнотой. Надо было бы сказать так: русская революция должна победить как рабочая революция,

но рабочий класс во что бы то ни стало должен достигнуть тесного союза с крестьянством. В 1905 году осуществить это было невозможно. Совет Рабочих Депутатов был советом только рабочих депутатов, а крестьянство было политически еще не воспитано. Если припомнить, что 9 января 1905 года рабочие Путиловского завода еще верили в царя и шли к нему с иконами, то тем более понятно, что такое настроение господствовало и среди громадной массы крестьянства, имевшего еще меньший политический опыт. Этим об'ясняется и тогдашнее настроение армии, которая в конце концов помогла царизму победить восставших рабочих. Ее настроение было тогда таким, что царская монархия еще могла сравнительно свободно ею оперировать и посылать ее против рабочих. Если рабочий класс Петербурга и других центральных городов России прошел за каких-нибудь 8-10 месяцев, с 9 января по 17 октября 1905 года, ускоренный курс политической науки и понял, что такое монархия, то для крестьянства, для крестьянской армии — требовалось времени гораздо больше. Бунты в войсках, ставшие с 1902 года очень частым явлением, долгое время носили все-таки чисто местный характер и не имели определенной революционной программы. Первые проблески движения в армии были, конечно, очень знаменательны, при чем особенно симптоматично было восстание в черноморском флоте. Это было явление довольно крупное и серьезное. Но все же царизм еще владел в 1905 году в достаточной степени и своей армией и крестьянством. В революции 1905 года сельское население оказалось еще недостаточно подготовленным для пролетариата союзником: оно оставалось более или менее нейтральным, а в лице армии оно было больше в руках царизма, чем в руках революции.

Наконец, третья причина—измена буржуазии. Глубоко неправы были меньшевики, представляя дело так, будто во всем были виноваты рабочие, выдвинувшие слишком большие классовые требования. Правда была на стороне большевиков, когда они подчеркивали, что буржуазия в решающий момент отхлынула от движения и предала его, заключив сделку с царизмом. Она ухватилась за обглоданную кость, которую ей выбросили 17-го октября. С этого момента весь либерально-буржуазный лагерь решительно повернул против пролетариата. Тот же Струве, которому всегда везло на крылатые словечки, пустил тогда в обращение фразу о „безумной стихии" забастовочного движения, уже шедшего под классовыми пролетарскими лозунгами. Либеральная буржуазия рисовала дело так, что с цепи сорвалась безумная стихия, разбушевались волны, которые необходимо во что бы то ни стало успокоить, так как иначе над страной разразится всеобщей потоп, наступит полная разруха, и исчезнет всякий порядок. На самом деле, у буржуазии был правильный классовый инстинкт и расчет. Когда она увидела, что царизм надломлен и идет ей навстречу, протягивая руку для соглашения, она сразу повернула направо, изменила освободительному движению и стала фактически союзницей царя.

Вот те коренные причины, которые в достаточной степени об'ясняют поражение революции 1905 года.

Результаты 1905 года.

Какие результаты дал 1905 год? Каковы были его последствия, неизбежные после каждой революции—даже такой, которая потерпела поражение? Прежде всего—перегруппировка классовых сил. Она заключалась главным образом

в том, что буржуазия стала окончательно классом контр-революционным. Как известно, так бывало далеко не всегда. Во Франции в 1789 году буржуазия в борьбе с феодализмом, с помещичьим строем и с монархией была классом революционным. В России до 1905 года она также играла более и менее оппозиционную роль. Было время, когда часть русской буржуазии искала союза с рабочим классом и вертелась вокруг нашей рабочей партии. Известны попытки Струве, Туган-Барановского и лучших ее представителей добиться с нами соглашения. Милюков приезжал в Лондон, где жил тогда тов. Ленин, с поклоном к нему, как к вождю рабочих, и предлагал заключить договор о сотрудничестве. Было время, когда вся оппозиционная буржуазия из ненависти к царизму склонна была к известному сотрудничеству с рабочим классом, надеясь втайне, что он станет послушным орудием в ее руках и будет таскать для нее каштаны из огня, как это было в 1848 году в Германии и в других странах. Но чем ярче выяснялась классовая сущность рабочего движения, чем явственее буржуазия слышала в нем нотки классовых требований, тем более она отворачивалась от освободительного движения, тем яснее становилось для нее, что как ни плох царь, а для буржуазии он все же лучше, чем победа рабочего класса. А когда она окончательно убедилась, что рабочий класс уже достаточно силен, что он идет не за Гапоном, а за своей партией, что он имеет свою классовую программу, выдвигает требование 8-часового рабочего дня и создает свой Совет Рабочих Депутатов, тогда буржуазия стала быстро линять и скоро сделалась определенным контр-революционным классом. Решающим мотивом было в данном случае возникновение петербургского Совета Рабочих Депутатов.

Это собрание, заседавшее в Вольно-Экономическом Обществе, стало пугалом для всей буржуазии, у которой очень тонкий нюх. Она почуяла, что это—будущее рабочее правительство, т.-е. такой классовый орган пролетариата, которым буржуазия никогда не овладеет. И с этого момента она начинает из розового цвета перекрашиваться в черный. С этой минуты даже такие теоретики II Интернационала, как Каутский, поняли, что русская буржуазия уже не сможет играть такую роль, как французская в 1789 году, ибо пролетариат нашей страны окреп. Русской буржуазии пришлось стать контр-революционным классом, между тем как во время Великой французской революции рабочий класс был еще в пеленках, дав буржуазии об'ективную возможность сыграть революционную роль.

Таким образом, первый результат революции 1905 года заключался в том, что один из важнейших классов—молодая русская буржуазия,—стал сразу контр-революционным. Ее второе последствие выразилось в несомненном пробуждении крестьянства от его вековой спячки. Если движение 1905 года не закончилось победой, то все же земельный вопрос был поставлен тогда чрезвычайно остро, ознаменовавшись появлением первых земельных комитетов. Крестьянство как-никак, было разбужено и потрясено событиями 1905 года. И его представители в первой и второй Государственных Думах показали это вполне наглядно в этих двух Думах не только крестьяне-трудовики, т.-е. полуэсэры, составлявшие партию трудовиков, но и правые крестьяне, считавшиеся в политических вопросах черносотенцами, произносили по земельному вопросу речи, полные революционного огня. Как только дело доходило до землицы, эти правые крестьяне, на которых

делали свою ставку помещики и царская монархия, говорили таким языком, что большевикам оставалось только аплодировать.

В конечном счете, вторым великим результатом революции 1905 года была сильно возросшая сознательность крестьянских масс. В этом смысле произошла коренная передвижка: буржуазия отошла направо, а крестьянство, постепенно просыпавшееся, начало подталкивать движение налево.

Формула „1847 или 1849 год?".

В 1906 г. перед партией встал вопрос: что же дальше? закончилась ли революция? Из возникших споров выявилась формула: что мы переживаем—1847 год или 1849? Другими словами, это означало: что у нас—47-й год, т.-е. канун революции 48-го года, или 49-й, т.-е. время после полупобеды и полупоражения революции 48-го г.? Как известно, революция 48-го года закончилась в ряде стран именно таким образом, т.-е. выкидышем, компромиссом, при чем плоды победы определенно достались буржуазии. В партийных кругах задавали себе вопрос: что же мы переживаем в 1906 году:—то, что Германия и значительная часть Европы переживали в 1847-м, или то, что они переживали в 1849-м? Иначе говоря: был ли 1906 год лишь предвестником новых боев, или же крупнейшие бои уже остались позади, и мы катились вниз, т.-е. переживали 49-й год, когда революция считалась законченной? На этой почве и по этой формуле между большевиками и меньшевиками разыгралась необычайно острая дискуссия.

Большевики защищали тот взгляд, что мы переживали 1847 год, что революция не закончилась, что выдвинутые ею об'ективные задачи не

получили формального удовлетворения и что— рано или поздно—революционная волна подымется снова. Крестьянство,—говорили мы,—земли не добилось, рабочие удовлетворения своих требований не получили, а эти два класса составляют огромное большинство в стране. В этом смысле задачи, выдвинутые революцией, не разрешены; может быть, царь и Столыпин загонят на время революционную борьбу внутрь, но только на время, и новые бои неизбежны. То, что было в 1905 г.,— лишь форпостные стычки, только репетиция, только 47-й год, а настоящие большие бои предстоят еще впереди.

Меньшевики держались, конечно, другого взгляда. Они говорили: Мы пошли теперь по пути Пруссии после ее неудачного 48-го года, когда дело кончилось наполовину в пользу революции, наполовину в пользу короля. Царь остался, у нас будет конституционная монархия, и нам надо теперь приспособляться к этой действительности. Отсюда вытекал и лозунг меньшевиков: во что бы то ни стало легализовать партию, или, как мы тогда иронизировали над ними,—вползти в легальность. И эта меньшевистская точка зрения была понятна. Раз они считали, что революция кончена, что дальнейших боев не будет, что Россия вступает в мирную полосу и будет развиваться на прусский манер, то ясно, что партии надо выйти из подполья, легализовался, окорнать свою программу приспособиться к легальности и установить способ сожительства с монархией и с буржуазными партиями.

Об'единение большевиков с меньшевиками.

Таковы были две платформы—большевиков и меньшевиков—к весне 1906 года. К тому времени, вследствие революционных боев конца 1905 г.

и под влиянием масс, штабы большевиков и меньшевиков вынуждены были об'единиться. В истории нашей партии это—в высшей степени интересный эпизод. В сущности говоря, массы заставляли большевиков мириться с меньшевиками раза два или три. Оно и не удивительно. Еще в 1917 году можно было слышать речи: „Зачем раскалываться? Чем нас больше, тем лучше, и если к большевику прибавить меньшевика да еще эсэра, тогда наверно мы победим буржуазию и царизм". Так рассуждали широкие рабочие массы, неискушенные в политической борьбе, и даже члены партии. Как бы то ни было, в 1905 году началось сильное движение в пользу об'единения. Во многих местах образовались федеративные комитеты большевиков и меньшевиков, создавшие на началах равенства общие организации и вместе руководившие борьбой. Кончилось тем, что Центральному Комитету большевиков пришлось вступить в такую-же федеративную связь с меньшевистским Организационным Комитетом, а еще позже, под давлением масс, был созван об'единительный с'езд партии, состоявшейся в Стокгольме в 1906 году. Главное расхождение между большевиками и меньшевиками на этом с'езде заключалось в том, что первые говорили: 47-й год, а вторые—49-й. Другими словами, большевики утверждали: Мы были разбиты в первой революционной схватке, но в дальнейшем предстоит еще революция, задачи которой 1905-м годом не разрешены. Меньшевики, наоборот, заявляли: Вы—утописты и фантазеры, вы не хотите признать печального факта, что это не 47-й год, а 49-й. Мы разбиты наголову, и русская революция погибла безвозвратно. Россия вступит на путь конституционной монархии, и партии надо итти, под знаком этой борьбы, по проторенной дорожке европейской социал-демократии.

Победа меньшевистской тенденции.

На Стокгольмском с‘езде победа досталась меньшевикам. Она доказывала, что во всей стране, под влиянием понесенного поражения, революционное настроение рабочих масс находилось в упадке и что таким же оно было и в партийных кругах, подавленных неизбежным разочарованием после неудачи декабрьского восстания и ареста членов Петербургского Совета. Только благодаря этому обстоятельству меньшевикам удалось собрать на Стокгольмском с‘езде большинство (правда, незначительное) и продиктовать партии свою тактику. Когда был поставлен на очередь вопрос о вооруженном восстании, они вынесли резолюцию против него, сделав-это, конечно, в более или менее скрытой, дипломатической форме. Вслед затем они провели аграрную программу Маслова-Плеханова, также направленную против революции и заключавшуюся в том, что земля, — при посредстве муниципальных органов, земств,—на деле должна была переходить к более зажиточным крестьянам. Наконец, они приняли постановление участвовать в выборах в первую Государственную Думу и создать там с.-д. фракцию.

Тактика большевиков.

Большевикам ничего не оставалось, как формально подчиниться, так как они были в меньшинстве, а рабочие требовали единства. Но на деле об‘единительный с‘езд нисколько не об‘единил большевиков с меньшевиками, и, в результате, мы уехали из Стокгольма двумя отдельными фракциями. В Центральный Комитет взяли нескольких наших товарищей,—как мы тогда говорили,—заложниками. Но, в то же время, на самом с‘езде большевики составили свой внутренний и нелегальный в партийном отношении Центральный

Комитет. Этот период в истории нашей партии, когда мы были в меньшинстве в Центральном Комитете и в Петербургском и должны были скрывать свою сепаратную революционную работу, был для нас очень тяжелым и мучительным. Често бывало, что два секретаря—один меньшевик, а другой большевик—ходили следом друг за другом, не доверяя один другому. Положение было такое, словно две партии действовали в рамках одной.

Из литературных документов этого времени, ярко запечатлевших борьбу большевиков с меньшевиками, можно указать, прежде всего, на брошюру „Отчет петербургским рабочим о Стокгольмском с‘езде“, написанную тов. Лениным, который был на этом с‘езде делегатом от петербургских рабочих,—а затем на книгу: „Победа кадетов и задачи рабочей партии“.

Дальнейший спор о „47-м или 49-м годе“.

После Стокгольмского с‘езда, за которым потянулась полоса упадка революции и господства меньшевизма, спор о „47-м или 49-м годе“, о том, кто прав: большевики или меньшевики,—еще продолжался. Меньшевики неоднократно и с большим торжеством нам указывали: Вы видите, как вы ошибались: вы думали, что революция не кончена и что скоро предстоят новые бои, а между тем, посмотрите—сколько времени уже прошло с тех пор. И действительно, следующая революция разыгралась только в 1917 году, т.-е. через десять лет. Но следует ли отсюда, что большевики были неправы? Нет. Большевики и не указывали точного срока, хотя полагали, надо сказать правду, что дело пойдет гораздо быстрее, и не предвидели, что минет еще целое десятилетие до новой победы рабочего класса. Но, как известно, в сроках ошибались все, даже Маркс,

не раз предвещавший близость мировой революции. Вполне понятно, что всякий искренний революционер склонен назначать сроки более короткие, чем длинные. Во всяком случае, наш прогноз был в общем правильный: революция не кончилась, ее основные требования об'ективно не выполнены, пролетариат и крестьянство не получили удовлетворения, новые бои неминуемы, никакого прусского пути у нас не будет, а будет путь русский, чреватый великими социальными переворотами. Эти наши предсказания оправдались. Все это стало ясным—и довольно скоро.

Стокгольмский с'езд совпал по времени с головокружительной победой кадетов — партии либеральной буржуазии—на выборах в первую Государственную Думу. Она получила в Думе большое число мест и, вместе с ними, политическое руководство в первом русском парламенте, проведя в его председатели пресловутого Муромцева. Кадетская партия была первой в Государственной Думе, а ее вожди—Набоков и другие—главными парламентскими ораторами. В конечном счете, первая Дума была крупной победой русской буржуазно-либеральной партии, называвшей себя конституционно-демократической (к.-д., отсюда: „кадеты“). Налицо был очень серьезный политический фактор, и перед рабочей партией встал вопрос—как ей к нему отнестись.

Ответственное (кадетское) министерство.

Меньшевистский Центральный Комитет, руководивший тогда партией, был в восторге от победы кадетов. Он считал, что в России наступает новая эра, и что торжество конституционно-демократической партии, подтверждая его взгляды, поможет стране мирно разрешить земельный и многие другие коренные вопросы. И вот, в связи с этим, меньшевики дали лозунг: кадетское, или—

как тогда выражались—ответственное министерство, т.-е. такое, которое будет ответственным не перед царем, а перед Государственной Думой. Это вообще классическая формула всех буржуазных парламентов. У них всегда так: министерство как будто ответственно перед парламентом, а на самом деле оно ответственно перед кучкой банкиров. Как только меньшевистская социал-демократия дала упомянутый лозунг, ее сторонники начали в рабочих кварталах бешеную агитацию за поддержку идеи ответственного министерства. Как видите меньшевики были логичны и верны себе: и здесь они искали подходящую форму для поддержки любезной их сердцу буржуазии. Но тут дело, что называется, сорвалось: этот лозунг погубил меньшевиков и помог нам завоевать в Петербурге большинство. Я помню, что Выборгская сторона, где тогда работало много заводов—не так, как теперь,—была в то время сплошь меньшевистской. Нас, грешных большевиков, рабочие там едва-едва слушали. Но как только дело дошло до лозунга — ответственное кадетское министерство, и им стало ясно, как на ладони, что меньшевистская тактика сводится к поддержке буржуазного министерства,—картина изменилась. С этой минуты меньшевики стали терять на Выборгской стороне завод за заводом. Вслед затем и городская петербургская конференция также высказалась против меньшевистского лозунга. Эта конференция состоялась в Финляндии, которая жила тогда сравнительно свободно. Помню, в субботу, под перекрестными взглядами целой банды шпионов, мы сели на Финляндском вокзале в поезд и поехали в Териоки. Целое воскресенье шла там конференция, и дело доходило минутами чуть ли не до рукопашной между меньшевиками и большевиками. Наконец, несмотря на давление меньшевистского Центрального

Комитета, нам удалось впервые получить большинство в Петербурге, а потом и в целом ряде других городов. Этот факт был уже наполовину победой во всероссийском масштабе, потому что Петербург был политическим центром страны. Меньшевистский Центральный Комитет был бессилен перед большевистским Петербургским Комитетом, и буржуазные газеты любили тогда пошутить, говоря, что маленький большевистский Петербургский Комитет побил большой меньшевистский Центральный Комитет.

Разгон первой Думы.

Первая Государственная Дума, несмотря на то, что кадеты имели в ней политическое руководство, должна была отдать дань революционному, в особенности крестьянскому движению в стране, которое все разрасталось, и была вынуждена, хотя довольно нерешительно, поставить вопрос о земле. На этой почве между нею и царским правительством произошел конфликт. Первая Дума была разогнана. Кадетская партия сгоряча тоже поехала в Финляндию на свою нелегальную конференцию и выпустила там пресловутое выборгское воззвание, которое потом называли „выборгским кренделем". Этот документ призывал население не платить налогов и был, в сущности, повторением того революционного жеста, который позволили себе умеренные либералы в революцию 1848 года, когда они показывали кукиш в кармане тогдашней монархии, не решаясь серьезно поддержать революционную борьбу и заранее зная, что их призыва не платить налоги никто не послушается. Царская монархия не приняла, конечно, всерьез „выборгского кренделя" и присудила его пекарей к трем месяцам тюрьмы—совсем пустяковому наказанию.

Разгон первой Государственной Думы был маленькой размолвкой царизма с либеральной буржуазией. Но она вскоре была забыта, и во второй Думе между обеими сторонами установились, в общем, довольно добрососедские отношения, при чем часть либеральной буржуазии стала прямо воспевать Столыпина.

Лондонский с'езд 1907 года и разгон второй Думы.

На фоне этих событий, весною 1907 года, состоялся Лондонский—или пятый—с'езд нашей партии. Долго спорили, как его называть. Мы, большевики, вели нумерацию с третьего, большевистского с'езда, считая Стокгольмский—четвертым, а Лондонский—пятым. Но меньшевики не признавали нашего третьего с'езда и, не желая считать этот с'езд пятым, хотели называть его просто Лондонским. На этом с'езде в партию влились три новых отряда: польская социал-демократия, латышская и Бунд, который в 1903 г. вышел из нашей партии. Эти три организации (первые две—в громадном большинстве, а Бунд—в значительной части) стояли тогда на нашей стороне. И вот, в Лондоне, несмотря на то, что революция шла на убыль, мы, благодаря присоединению к нам трех новых отрядов, стоявших на нашей точке зрения, получили большинство, правда, сравнительно слабое, часто висевшее на двух-трех голосах, но все же — большинство. Меньшевики держались зубами за свою партийную власть, и нам пришлось при помощи весьма неделикатных мер вырывать ее у них силой, добиваясь освобождения партии из их рук.

На Лондонском с'езде зашел спор о парламентской тактике, который вели Церетели, представлявший меньшевиков (он был членом второй Государственной Думы), и Алексинский, который

был тогда большевиком и был выбран от нашей партии в Думу петербургскими рабочими. (Он не хочет этого забыть и до сих пор, когда уже стал монархистом: ныне, находясь у Врангеля, он все еще подписывается „депутатом Государственной Думы от петроградских рабочих“). Затем на с‘езде завязалась оживленная теоретическая борьба по вопросам об отношении либеральной буржуазии к революции и о характере революции вообще. Эту дискуссию, принявшую широкие размеры, вели лучшие теоретики и наиболее выдающиеся ораторы обеих сторон. От меньшевиков выступал главным образом Плеханов, а от большевиков—тов. Ленин и покойная Роза Люксембург, которая, как представительница польских рабочих вошла в нашу партию и участвовала на этом с‘езде. Речи по вопросу о характере русской революции и об отношении к либеральной буржуазии, произнесенные на этом с‘езде Розой Люксембург и тов. Лениным, являются еще до сих пор образцами и шедеврами политического анализа. И в этом смысле спор, который шел на Лондонском с‘езде, нисколько не устарел: ведь там решали коренной вопрос—должен ли рабочий класс России служить лишь подсобной силой для буржуазии или же сыграть самостоятельную роль в предстоявшей революции.

В Центральном Комитете, избранном на с‘езде в Лондоне, наше большинство было, однако, очень неустойчивое и весьма незначительное... Большевики это учитывали и постарались на том же Лондонском с‘езде выбрать свой нелегальный Большевистский Центр. Мы говорили: в Центральном Комитете мы будем работать и страдать по долгу службы, но настоящую работу мы будем делать в своем Большевистском Центре, ибо было ясно, что этот брак поневоле с меньшевиками будет недолговечен. Таким образом,

резюмируя результаты Лондонского с'езда, можно сказать так: он дал теоретическую победу большевикам и отнял у меньшевиков партийную власть; но Центральный Комитет оставался не наш, положение было в высшей степени неустойчивое, система отдельных фракций продолжалась, и большевикам пришлось сорганизоваться отдельно.

Не успели мы вернуться с Лондонского с'езда, как вторая Государственная Дума была разогнана. Социалдемократическая фракция была арестована по обвинению в заговоре и против нее возбудили известное дело, кончившееся каторгой для целого ряда депутатов. Мы вступили в нелегальный период. Наши газеты были закрыты. Буржуазия хотя и протестовала против роспуска второй Думы, но уже не думала заниматься такими штуками, как поездка в Выборг. Она сидела спокойно в Петербурге и лишь иногда, для очистки совести, произносила оппозиционные речи против Столыпина, или бросала,—как, например, Родичев,—острые словечки о столыпинских „галстуках“, т.-е. виселицах. Но это была одна видимость: на деле вся буржуазия стала целиком на почву Столыпинской конституции.

Третья Дума.

Разогнав вторую Государственную Думу, царская монархия поставила на очередь вопрос о третьей, „слегка“ исправив избирательный закон, — и притом весьма любопытным образом. Главный корректив заключался в том, что крестьяне лишались избирательных прав. (Рабочим нечего было лишаться, потому что они, и без того, не имели почти никаких избирательных прав). Эта мера была вполне понятна. До второй Думы самодержавие все еще надеялось на мужичка. В него веровал даже умнейший представитель

царской монархии—такой старый крокодил, как Победоносцев. Монархисты думали, что надо делать ставку на мужичка: ён, мол, не выдаст,—мы с ним столкуемся; крестьянин верит-де в батюшку-царя и не пойдет против него. Но вторая Дума показала царизму, что и крестьянство теряет веру в царя. И вот, главная операция, проделанная над избирательным законом, сводилась к тому, чтобы отнять избирательные права у крестьян. Это было сделано довольно искусно. Крестьянские выборщики должны были проходить через сито помещиков, которые имели большинство и выбирали того мужичка, который им нравился. Таким образом, главный смысл эволюции монархии в эпоху от второй до третьей Думы заключается в том, что она потеряла веру в крестьянина и, конечно, по той причине, что крестьянин утратил веру в нее.

Перед партией встал вопрос: надо ли участвовать в третьей Государственной Думе, которая будет явно черносотенной? Тут начались серьезные разногласия среди большевиков. В громадном большинстве они высказались против участия и за бойкот Государственной Думы, надеясь, что удастся проделать то же, что в 1905 г. было проделано с Булыгинской Думой. В большевистской фракции разыгралась сильная борьба. Тов. Ленин с очень небольшим числом сторонников отстаивал участие в третьей Думе, но главная масса большевиков была против этого. Появились брошюры, доказывавшие, что Ленин поправел, раз он хочет, чтобы рабочие шли в такую черносотенную Думу, какою будет третья. На это он отвечал: третья Дума, это—хлев; но если, в интересах рабочего класса, необходимо, чтобы мы некоторое время посидели в хлеву; то мы посидим. Мотивировка тов. Ленина была следующая: в 1905 году соотношение сил было таково, что

не сегодня-завтра вспыхнет революция, и мы победим и царскую монархию и Булыгинскую Думу; в 1907 году такого соотношения не существовало, и было ясно, что царской монархии было обеспечено еще несколько лет жизни, так как смести ее сейчас мы не сможем; если мы будем бойкотировать Думу, она все равно соберется, и мы должны готовиться к нескольким годам тягчайшей реакции; черносотенная Дума будет хлевом, но и там мы сможем принести некоторую пользу рабочему классу, превращая думскую трибуну в орудие агитации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

21. **Гурев Г.** Спор о боге между религией и наук

22. **Терман М.** Религия и классовые противоречия

23. **Келлерман.** Девятое ноября (сокр. излож.) .

24. **Геккель Э.** Монизм. со статьей Г. Гурева „Геккель, как мыслитель“ . . . . —

25. **Цеткин К.** Женский вопрос (2-ое изд.) . . . . . —.4

26. **Гурев Г.** Антирелигиозная хрестоматия, том I. Наука, религия, коммунизм 2.60

27. Памятка молодого коммуниста (2-е изд.) . . . —.55

28. **Гельмгольц Г.** Силы природы и их взаимоотношения, со вступит. ст. Г. Гурева „Роль учения об энергии в научном мировоззрении“ . . . . —.55

29. **Бреслав Н.** Человек, как фабрика . . . . —.70

30. **Гурев Г.** Мироведение безбожника. Попул. очер. с 64 рисун., 2-е изд. 2.20

31. Деревня и наши недостатки. По матер. по обследованию деревни . . . . —.60

32. Организационное положение детских коммунистических организаций . . . . —.03

33. **Вреде В.** Происхождение книг нового завета. Пер. под ред. проф. Н. М. Никольского 50

34. **Поленц.** Крестьянин (ром. в сокр. перев.) 35

35. **Терман.** Труд, культура, коммунизм . . . . . . —.10

36. **Гурев Г.** На чем земля держится . . . . —.15

37. **Зиновьев Г.** 1905 год . . . . —.25

ПЕЧАТАЮТСЯ:

1. **Освальд В.** Мельница жизни.
2. **Сендерленд.** Священные книги в свете науки
3. **Рубакин.** Рассказы из истории культуры. Новое переработанное издание.
4. **Каценбоген.** На заре культуры.
5. **Отто Рюле.** Об‘яснение половых отношений детям.
6. **В помощь крестьянину.** Сельско-хозяйствен. библиотека.
7. **Рубакин.** Начало всех начал.
8. **Краузе.** Развитие понимания истории.

коп.